

НОВОЕ ВРЕМЯ

Адмирал
сообщает
в Москву:
наш
десант
освободил
заложников

август 1991

33

Цена 60 коп.
Индекс 70621

МАРШ, ЭНТУЗИАСТЫ!

ISSN 0137 - 0723

АНДРЕЙ БИЛЬЖО

Читайте в этом номере:**СТРАНА**

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ <i>И. Лагунина, В. Шейнис</i>	КАРАБАХСКИЙ УЗЕЛ	4
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>К. Плешаков</i>	ЕСЛИ ВРАГА НЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЕГО ПРИДУМЫВАЮТ	8
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i>	РОДИТСЯ ЛИ «СОЮЗ УМНЫХ ЛЮДЕЙ»?	10
ДНЕВНИК СОЦИОЛОГА <i>Л. Ионин</i>	ЧЕМ МИЛ ПРИСЫПКИН?	12
ЭКОНОМИКА <i>И. Жгель</i>	ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК: БЕЗ КРАЯ И БЕЗ ПРАВИЛ	14

МИР

ЮГОСЛАВИЯ <i>Г. Сысоев, Р. Петкович</i>	НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ КРИЗИСА	18
БОЛГАРИЯ <i>Л. Млечин</i>	ПАРТБИЛЕТ ТУДА И ОБРАТНО	20
ЭКОНОМИКА <i>С. Бабусенко</i>	СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ	23
США <i>Е. Русаков</i>	ГОСУДАРСТВО СЕЛО НА ДИЕТУ, И ОБЩЕСТВО ВЫЗДОРОВЕЛО	24
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Д. Згерский</i>	ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ	27

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА <i>Л. Разгон</i>	ПЛЕН В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ (продолжение)	30
НЕФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ <i>А. Росляков</i>	ШАМАНСКИЙ ТУПИК	36
О НАС ПИШУТ <i>Н. Боцвадзе</i>	«Я РЕШИЛА ОБРАТИТЬСЯ К ВАМ ПО-СОВЕТСКИ»	39
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>С. Корф</i>	ВОЗМОЖНА ЛИ В РОССИИ ФЕДЕРАЦИЯ?	40
ПОЧТА «НВ» <i>Л. Торн</i>	МАТЕРИ ПЛЕННЫХ: КТО ПОМОЖЕТ?	43
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА <i>А. Наумов</i>	ПОСМЕРТНЫЙ СУД	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ганюшкин</i>	ПАРТИЯ – МОЙ РУЛЕВОЙ	48

ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)

Азербайджан прекратил депортации? Армения отменила решение о присоединении Карабаха. Борис Ельцин готов быть посредником между Баку и Ереваном

Стр.4

Как все-таки Рональду Рейгану удалось вывести страну из жестокого экономического кризиса и вернуть американцам веру в себя?

Стр.24

Отчет о встречах с патриотами, которые обещают спасти Россию от евреев, а пока поворывают что могут

Стр.36

Главный редактор

**Александр
ПУМЯНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

**Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,**

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67.
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»

© «Новое время»

■ «Партийные организации области должны выступать против насильственной капитализации страны и принудительной приватизации, отказа от марксистско-ленинской методологии, очернения истории нашей Родины и коммунистической партии».

Это выдержка из постановления объединенного пленума московского обкома и контрольной комиссии КПСС, в котором я участвовал. В этой цитате как в зеркале отразились и явные, и тайные устремления руководителей партийных структур.

Звучали, хотя и редко, на пленуме и иные фразы. Вот, например, что сказал председатель ЦК КП РСФСР Н.С.Столяров: «17 процентов голосов россиян, отданных за Рыжкова, — это, по сути дела, наш рейтинг, уровень нашего действительного авторитета...» Но пленум не прислушался к голосу одного из немногих здравомыслящих людей в руководстве партии.

А мне вспомнился предыдущий объединенный пленум 12 марта, когда секретарь ЦК КПСС О.С.Шенин призвал парторганизации области сделать все для то-

го, чтобы «провалить российский референдум и на съезде депутатов заменить руководство». И были аплодисменты... Но коротка память у руководящих партийных органов! Прошли референдум, съезд, состоялись выборы президента России. Результаты известны. Но, вместо того чтобы дать достойную оценку самим себе, участники пленума клеймят отступников и сомневающихся... Не случайно вырвалось у одного из партийных руководителей на недавней пресс-конференции знаменательные слова: «Будем стоять, пока морды хватят...»

Убедившись окончательно, что правы те, кто уже давно пришел к выводу о полной неспособности существующих партийных структур к реформированию, я с трибуны объединенного пленума заявил о выходе из его состава и покинул зал. В партии же остаюсь, ибо вижу последний шанс сделать хотя бы часть ее полезной обществу — через создание Демократической партии коммунистов России.

Геннадий Дерновой
Московская область

■ Могу дать вполне конкретный ответ на вопрос Т.Ивановой (№ 17/91) о том, что сейчас делает КПСС. В МИД СССР и, в частности, в его загранучреждениях она занимается нарушением действующего с 1 января этого года Закона СССР «Об общественных объединениях». В буквальном смысле игнорируя требования статьи 4 закона, комитеты КПСС при содействии администрации вмешиваются в работу загранучреждений МИД. Если бы организации КПСС, пристроившиеся под крышей совпредставительства за рубежом, не занимались рассмотрением служебных вопросов, им нечем было бы оправдать свое существование в системе МИД СССР, как, впрочем, и в любом другом госучреждении. Особенно активно КПСС вмешивается в кадровые вопросы. Находящееся де-факто в подчинении КПСС руководство МИД даже и не помышляет об отмене этой противозаконной практики. Жертвами произвола партаппарата становятся в первую очередь поверившие в перемены дипломаты, которые вступают в неравную борьбу против диктата КПСС в МИД

А воровать все-таки не хорошо

■ В статье «КГБ о КГБ», помещенной в «Правде», первый заместитель начальника управления внешней разведки КГБ СССР В.Кирпиченко заявляет: «Все разведки мира интересуются достижениями в области науки и техники. Это важное направление и для советской разведки, необходимое для обороны нашего государства и для народного хозяйства. Я бы сказал так, что если бы все добытое нами внедрялось, то мы бы жили намного лучше».

Видимо, почтение к представителям КГБ у правдивов зашло столь далеко, что они даже не сообразили, о чем идет речь. А речь-то идет о кражах. «Добытое» — это не что иное, как украденное, полученное обманом или каким-либо иным противоправным образом. Во всем цивилизованном мире промышленный шпионаж уголовно наказуем. И замначальника управления внешней разведки КГБ следовало бы знать, что все «добытое» внедрить в нашем «народном хозяйстве», за исключением, возможно, предприятий военно-промышленного комплекса, попросту нельзя. И золотой ключик к дверце, за которой открывается для нас хорошая жизнь, не в руках КГБ. Обойти международно-правовые нормы по охране промыш-

ленной и интеллектуальной собственности можно, скрываясь за высокими заборами ВПК, но только не в гражданском секторе экономики. И уж, конечно, не тогда, когда мы собрались строить единое экономическое пространство с Западом.

Лучший способ обречь свою науку на отставание и застой — это жить чужим умом, то есть воровать идеи и промышленные образцы за рубежом. Сиюминутная выгода рано или поздно даст, без сомнения, негативные плоды: собственные Платоны и Ньютоны либо оплачиваются в этих условиях не по разуму, либо вообще приходится не ко двору.

Так что заявление высокопоставленного сотрудника КГБ у меня не вызывает чувства законной гордости, во-первых, потому, что надо избавляться от привычки совать в карман то, что плохо лежит. А во-вторых, по мнению иностранных специалистов, вопрос об охране в СССР интеллектуальной собственности может стать более серьезным препятствием в развитии международной торговли, чем эмбарго, вводимые пресловутым КОКОМ.

П.Никулин, кандидат юридических наук
Москва

Партийная жизнь: к вопросу о мордах

Дипломаты вступают в неравную борьбу

Ингушские «националисты» и казахи функционеры

СССР, выходят из этой партии.

Деятельность организаций КПСС в МИД СССР по-прежнему финансируется за счет государства. Например, громадный штат комитетов КПСС в загранучреждениях в МНР до сих пор содержится за счет государственных бюджетных средств, в том числе в валюте. Их сотрудникам из сметы МИД выплачивается зарплата, командировочные расходы. Министерство несет затраты на содержание занимаемых работниками КПСС служебных и жилых помещений, на обслуживание транспортом и связью, обеспечение канце-

лярскими товарами, представительскими продуктами, мебелью, оргтехникой... Мероприятия организаций КПСС в загранучреждениях проводятся в рабочее время — это отвлекает от работы членов партии. Ущерб, наносимый государству деятельностью КПСС в загранучреждениях МИД СССР, состав-

ляет десятки и сотни тысяч долларов в год.

В. Ошурков,
консул генконсульства СССР
в Чойбалсане, МНР

■ Посылаю вам два материала из двух разных газет. Один (из газеты «Домострой») рассказывает об убийстве «ингушскими националистами» терских ка-

Рисунок Виктора Богоради

заков. В Пасху от их рук погиб атаман Сунженского отдела Терского казачества Александр Подколзин. А в «Комсомольце Кубани» опубликована заметка человека, подписавшегося: «К несчастью, донской казак». Он рассказывает о своем разговоре с «неким казачим функционером». Так вот, этот человек называет местных жителей (ингушей, представителей других народностей) не иначе как «зверьки»... Вот я и подумал: нет ли между двумя этими фактами определенной связи?

В. Адамов
Краснодар

■ Сейчас всем известна история насильственного присоединения Сталиным Прибалтики. Известно об огромных репрессиях, которыми это сопровождалось. Сегодняшнее кровопролитие в Литве союзными войсками напоминает продолжение сталинской политики. Это только усилило национальную неприязнь прибалтийских народов к русским. Вот так десятилетиями зрел национализм в Прибалтике. И нельзя обвинять прибалтийские народы: каково действие — таково и противодействие.

В. Кушаков,
инженер
Красноярский край

Патриотизм: российский или русский?

■ Большое спасибо за статью Джеффри Хоскинга «Где русский дух» (№ 12/91). Английский автор размышляет глубже, чем многие советские журналисты, пишущие о России.

Общественное мнение разделилось — на одной позиции стоят те, кто не видит общности между СССР и РСФСР, а на другой — те, для кого это одно и то же. А ведь и те и другие — патриоты. Неужели у нас по-прежнему два вида патриотизма, как об этом пишет Хоскинг, — «российский и русский»? Или, что то же самое, — патриотизм СССР и патриотизм РСФСР? А может быть, есть еще и третий патриотизм — «славянофильский»?

Мне показалось, что Хоскинг не зря пишет о «славянофилах» — он хочет объяснить позицию тех людей, которые стоят и за СССР, и за РСФСР одновременно. Проще говоря, они выступают за Россию! На мой взгляд, «славянофильская идея» даст славянским народам (русским, украинцам, белорусам) ту основу, которая позволит им вновь соединиться в единый народ. Такая идея примирит нас и со славянскими народами Восточной Европы — со времен генерала Скобелева болгары, чехи, словаки, сербы благодарны за поддержку их освободительной борьбы, а не только за освобождение от гитлеровской тирании, как пропагандировали у нас до последнего времени.

Не могу согласиться, что Российская импе-

рия была «тюрьмой народов». Славянские народы показали другим нациям пример жизни в согласии. Думаю, СССР тоже не является «тюрьмой народов», если подразумевать под СССР такое же федеративное образование, каким является РСФСР. Ведь в РСФСР равны между собой и автономные республики, и края, и области. Объединяет их все то же самое славянское родство. Народам СССР стало тесно в рамках 15 республик, нужны новые административно-территориальные структуры. Мы можем объединиться на основе национального патриотизма, который был в Российской империи, который остался в РСФСР после Октябрьской революции и который сохраняется в СССР и сейчас. Основа этого патриотизма — «славянофильская идея», о которой мы забыли или нас заставили забыть. Пример этому забвению — заброшенные могилы и усадьба героя русско-турецких войн, вдохновителя борьбы славян за свое освобождение генерала Скобелева.

Пока у нас нет новых братьев Аксаковых. Даже Солженицын не поднялся, на мой взгляд, до их уровня духовности. Но они у нас, безусловно, будут — «русский дух» и «славянский дух» никогда не исчезнут.

Анатолий Карпун,
врач
Рязань

Подборку подготовила Т. Чернова

Карабахский

Леди Кокс говорит о бесправии

Ирина Лагунина

Независимые эксперты в области прав человека во главе с заместителем спикера палаты лордов парламента Великобритании леди Каролиной Кокс, командированные I Международным конгрессом памяти Андрея Сахарова в Баку и НКАО, в отчете по поездке основывались на показаниях свидетелей и на личных наблюдениях, сделанных в Азербайджане. Отчет описывает правонарушения со стороны армян и правонарушения со стороны азербайджанцев, включая действия ОМОНа и правоохранительных органов. Эксперты старались быть объективными и «воздать должное» всем, чтобы никто не смог обвинить их в односторонности и использовать выводы правоза-

щитников для разжигания национальной вражды.

Фотокорреспондента Информационного агентства Новости Вадана Оганесяна, арестованного в Геташене 6 мая (см. «НВ» №29/91), освободили из азербайджанской тюрьмы после того, как делегация леди Кокс вернулась в Москву.

Еще в Баку леди Кокс просила разрешить ей свидание с журналистом, но азербайджанские власти отказали. На встрече с председателем Верховного Совета республики Аязом Муталибовым и вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана Виктором Поляничко леди Кокс передала специальный запрос о судьбе Оганесяна. Никаких доказательств того, что Оганесян жив, делегации не представили, а в то время многие уже волновались за его судьбу. Но заверили, что делом корреспондента занимается лично

товарищ Поляничко. Эксперты посчитали, что огласка этого факта может стать гарантией безопасности журналиста.

Прокуратура Азербайджанской ССР освободила журналиста, взяв с него подписку о невыезде из... Еревана и обязав его предстать перед азербайджанскими правоохранительными органами по первому их требованию. На пресс-конференции в Москве Оганесян рассказал о том, что представляют собой азербайджанские тюрьмы. Наблюдения международных экспертов и Оганесяна очень похожи.

Арестованные в залог?

Первый месяц заключения Оганесян провел в камере вдвоем с уголовником — русским по национальности. Потом его перевели к армянам, арестованным вместе с ним в Геташене 6 мая. И он сам, и те двенадцать человек, которых задержали вместе с ним, не могли даже сообщить родственникам, где они находятся. Десять дней геташенцев держали в карцере. Периодически ли-

Две
комиссии
в одной
горячей
точке

узел

Зона
конфликта
глазами
международных
правозащитников
и российских
парламентариев

шали воды и еды, обливали холодной водой. А попали они в тюрьму, кто в чем был в момент ареста. Пытка холодом — на языке правозащитников это называется именно так — распространенное явление в азербайджанских тюрьмах. Били. Побой Вардан испытал и на себе. Правда, не на допросах. Следовательно по особо важным делам азербайджанской прокуратуры Гасанов, который вел его дело, держался корректно. Били тиореммики, когда Оганесян возвращался в камеру после допросов. За два с лишним месяца в тюрьме он один раз видел газету. Это была «Правда», в которой публиковалась беседа с заместителем Генерального прокурора СССР о событиях в Геташене. Газету Вардану принесли для того, чтобы показать, как центр относится к происходящему в Нагорном Карабахе.

По свидетельству других очевидцев — армян, прошедших через азербайджанские тюрьмы и следственные изоляторы, — людей держат за решеткой месяц и более без предъявления им обвинения. В Степанакерте начальник ГУВД города отдал приказ, разрешающий начальникам отделений милиции, куда попадают задержанные, самим, без прокурора и суда, определять: посадить человека в камеру

или отпустить. После этого массовые облавы и аресты, как говорят жители города, участились. А последнее время практикуются и ночные аресты. Невозможно установить, кто входит в этот ночной отряд и какому ведомству он принадлежит. Комендатура города утверждает, что не выдавала разрешения на деятельность этого отряда, хотя появляться в городе ночью можно только со специальным пропуском, какие выдает комендатура.

Чаще всего задержанных армян вывозят за пределы армянских районов. Так было и в случае с Оганесяном: арестованных в Геташене отправили в тюрьму в город Гянджа. «По нашему мнению, — говорит леди Кокс, — содержание в пенитенциарных учреждениях, отдаленных от места проживания, ограничивает возможность получения услуг адвоката и присутствия на суде родных и близких заключенного». Азербайджанские власти объясняют вывоз арестованных армян в районы, населенные азербайджанцами, тем, что правоохранительные органы боятся всплеск недовольства со стороны армянского населения. Опасения не беспочвенны. Арестованные армяне понимают это по-своему: власти пытаются таким образом внушить им, что жаловаться некому и помощи ждать неоткуда.

Кроме того, в Степанакерте делегация правозащитников получила убедительные доказательства этой практики: родственники не знают, где находятся пропавшие.

Вардан Оганесян рассказывает, что в тюрьму в Гяндже приезжала следственная группа из Прокуратуры СССР. Со слов Оганесяна, встреча этой группы с геташенцами происходила так. Следователи посмотрели на их разорванную одежду и следы побоев, спросили, не бьют ли заключенных. Те, ощущая за спинами дыхание охранника, избившего их накануне, хором ответили: нет. Тогда подписите бумагу, — сказали следователи из Москвы. Заключенные подписали. Инспекция закончила свою работу.

Властям не простиительно

Комиссия заявила, что располагает многочисленными свидетельствами того, что армянские незаконные формирования чинят насилие над азербайджанцами. Их села подвергаются артиллерийским обстрелам, набегам и налетам. 28 июня армяне напали на азербайджанское село в районе Мартуни. 6 азербайджанцев убиты (из них три женщины), три

трупа сожжены. Аналогичные происшествия случались и до, и после пребывания делегации леди Кокс в Азербайджане и НКАО. Например, ночью 28 июля было совершено нападение на азербайджанское село Умудлу.

Но тревогу международных экспертов вызвали не столько акты насилия, совершаемые населением НКАО — как армянским, так и азербайджанским, сколько нарушения прав человека со стороны официальных властей. Методы, которыми пользуются в борьбе друг против друга вконец озлобившиеся люди, не должны заимствоваться государственными структурами.

Пренебрежение к правам человека на уровне официальных властей, депортация и участие в ней армии позволяют сейчас армянам называть вооруженную борьбу армянского населения в НКАО национально-освободительной. И это не просто новая лексика, входящая в политический обиход. Если международное сообщество примет такое определение карабахского движения, то борьба армян получит новый статус с точки зрения международного права, в том числе гуманитарного — Женевских конвенций 1949 года и дополнительных протоколов к ним 1977-го. Делегация леди Кокс, правда, такой терминологией не пользовалась.

Комиссия международных экспертов выявила: правительство в Баку нарушает права не только армян, но и азербайджанцев. Азербайджанских беженцев из Армении — по оценкам экспертов, их от 120 до 200 тысяч человек — направляют в бывшие армянские деревни в Карабахе и Шаумяновском районе. Они вновь попадают в места, где происходит вооруженный конфликт. «Беженцы имеют право жить вдали от района конфликта», — говорит леди Кокс. То, что вызвало протест английской правозащитницы, в Азербайджане, как, впрочем, и вообще в нашей стране, кажется вполне естественным. А куда еще селить беженцев, если не в освободившиеся деревни, пусть даже в районе конфликта? В Азербайджане даже пытались объяснить выдворение армян из НКАО в Армению как раз тем, что беженцам из Армении негде жить. Да и сами беженцы не требуют поселить их куда-то в другое место — лишь бы было жилье.

Комиссия считает: рейды по проверке паспортного режима в армянских селах — предлог для незаконных задержаний, избиений, насилия

Азербайджан прекращает депортации? Армения отказывается от прежних решений о присоединении Карабаха. Россия готова выступить посредником в переговорах.

над мирными жителями. НКАО находится в экономической блокаде. Уровень жизни местного населения резко снизился. Пенсии и пособия по уходу за детьми не выплачены за последние три месяца. Нагорному Карабаху грозит голод. Не работают промышленные предприятия. Сырье и запчасти не поступают из других районов Азербайджана. Сотни людей без работы.

Эксперты Сахаровского конгресса подтвердили, что существует не только экономическая, но и информационная блокада. Закрыта армяноязычная телестанция, не поступают газеты. Нарушается и право на свободу религии. В НКАО действуют всего две григорианские церкви. Недействующие армянские церкви разграблены и разрушены, а возведение новых официально запрещено. Еще в начале этого года Совет по делам религий при Совмине СССР отменил решение о передаче храма Гандзар и монастыря Амарас верующим двух армянских сел. Сделано это было после обращения Совета министров Азербайджана, который считает эти христианские храмы памятниками азербайджанской культуры.

«Странный» ОМОН

В Степанакерт делегация во главе с леди Кокс прилетела раньше, чем ее ждали. ОМОН, который проверяет всех прилетающих, не успели предупредить. Леди Кокс, которую весьма грубо отделили от остальной делегации и заставили дожидаться, пока омововцы выяснят, зачем она пожаловала, могла ознакомиться с методами защитников порядка. Пятерых из прилетевших с ней на одном самолете (все они были жителями Степанакерта) грубо, пинками загнали в комнату для проверки...

Леди Кокс отмечает: никакой специальной подготовки ОМОН не проходит. Комплектуется в основном из азербайджанцев — беженцев из Армении. Охранять спокойствие армян в НКАО поручено людям, не испытывающим к армянам ничего, кроме злобы, а порой и ненависти. Международные правозащитники полагают, что ОМОН надо отозвать из районов конфликта, а во всех правоохранительных органах ввести соответствующее профессиональное обучение, объяснив принцип минимального применения силы — только в крайних случаях и строго пропорционально угрозе. Советскому читателю эта рекомендация комиссии может показаться несколько наивной. Что изменится, если омововцам все это расскажут и объяснят? Пока власть им потворствует, вряд ли можно ожидать, что их методы изменятся.

Леди Кокс утверждает, что армия и части МВД в акциях ОМОН не

участвуют. Правда, и не останавливают их. Армия осуществляет психологическое давление на армянское население НКАО и Шаумяновского района и таким образом способствует депортации. По свидетельству очевидцев, из армейского вертолета, который кружил над одной из деревень в Кироваканском районе, в мегафон кричали: операция по проверке паспортов и изъятию у населения незаконно хранящегося оружия проводится по прямому указу Президента СССР.

Нам перестанут верить

Как и после первой своей поездки в район конфликта в мае этого года — тогда леди Кокс с группой исследовала армяно-азербайджанскую границу. — правозащитников принял Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов.

— Разговор ничем не закончился, — говорит Елена Боннэр. — Лукьянов выслушал второе сообщение экспедиции спокойно и принял информацию как должное. Попутно указал англичанам на проблемы Ольстера и вообще на проблемы, которые есть у Великобритании.

Вдова академика Сахарова полагает, что вопрос о Нагорном Карабахе надо поставить на сентябрьской Конференции по человеческому измерению в Москве. Права человека в НКАО грубо нарушаются, а армия поддерживает как раз ту сторону, которая официально нарушает права. Этот вопрос, считает Елена Боннэр, должен быть перенесен на международный уровень. Запад может и должен поставить свою экономическую помощь Советскому Союзу в зависимости от решения карабахского вопроса, как он ставил ее в зависимости от ситуации в Прибалтике.

Делегация леди Кокс предложи-

ла направить в Нагорный Карабах международных наблюдателей ООН, а в крайнем случае и войска ООН. Армения и Азербайджан, как показало правозащитникам, не против. Резко возразил министр обороны Язов. Советский МИД рассматривает попытки послать наблюдателей как вмешательство во внутренние дела СССР. Мирная практика свидетельствует об обратном. Как только в Югославии начались боевые действия с участием армии, югославское правительство обратилось в ООН и в Европейское сообщество с просьбой прислать наблюдателей.

Быть может, в том, что увидела леди Кокс в Азербайджане, для советского человека нет ничего удивительного и необычного. Мало ли людей сидят в Советском Союзе без суда и следствия, много ли у нас тюрем, где охранники не бьют и не издеваются над заключенными? А ОМОН в Прибалтике или даже в Москве — он знаком с нормами соблюдения прав человека? Окажись леди Кокс в любом другом регионе страны, она нашла бы и там следы правонарушений. Но Карабах — не «любой другой регион». Там все происходящее воспринимается только как ущемление национальных интересов противостоящих сторон. Там существует избыток вооруженных и воюющих. Если депортация, насилие, унижение человеческого достоинства в Карабахе будут продолжаться, то между Арменией и Азербайджаном может вспыхнуть крупномасштабный вооруженный конфликт, считают эксперты Сахаровского конгресса. И если он произойдет, вряд ли Союз, пусть даже обновленный, сохранит международное доверие — ведь центр никогда не сможет доказать, что он не стимулировал конфликт и сделал все возможное, чтобы его предотвратить. ■

Депутаты России предлагают свой план

Виктор Шейнис,
народный депутат РСФСР

Группа народных депутатов России (Лев Пономарев, Анатолий Шабад и я) побывала в Армении и Азербайджане по поручению президента РСФСР Бориса Ельцина, вице-президента Александра Руцкого и Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР. Поездке оказал содействие министр обороны СССР Дмитрий Язов, направив вместе с нами начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника М. Колесникова.

В Баку в первый же день мы встретились с Аязом Муталибовым, президентом республики, и Виктором Поляничко — вторым секретарем республиканской компартии и председателем Оргкомитета по Карабаху — организации, созданной взамен конституционных органов власти. Позиция азербайджанских руководителей была изложена нам следующим образом: республика подвергается неспровоцированной агрессии, война идет не на территории Армении. В Карабах засылают «боевиков» из Армении — и это главная проблема. По мнению азербайджанского руководства, прежде всего должны уйти «боевики». Если они не сделают это сами, то будут разоружены и удалены силой. После того как территория Азербайджана будет очищена от «боевиков», говорят в Баку, мы решим все вопросы со своими гражданами армянской национальности. Вслед за тем можно будет вести переговоры с Арменией по пограничным и иным спорным вопросам.

Наши переговоры в Азербайджане имели два положительных момента. Главный — Муталибов несколько раз во время нашей беседы повторил и просил передать армянским руководителям, что депортация из Геранбойского (Шаумяновского) района и Карабаха (он настаивал на термине «проверка паспортного режима») приостановлена и в ближайшее время ее не предполагается возобновлять. Правда, ясного ответа на вопрос, на какое время прекращена депортация, мы так и не получили: «это зависит от армян», «от боевиков» и так далее. Второе — приглашение, которое мы получили от В. Поля-

ничко, приехать в Карабах на президентские выборы или сразу после них, и тогда нас провезут по районам, где разворачивается конфликт.

Положение Аяза Муталибова достаточно деликатное: с одной стороны, ему надо продемонстрировать решимость восстановить суверенитет Азербайджана над теми районами, которые, как сегодня утверждают в Баку, Вольский вывел было из-под их контроля. С другой — необходимо, чтобы армяне приняли участие в президентских выборах, для чего требуется определенное замирение. С этой целью начаты переговоры с представителями армянского населения.

Затем мы полетели в Ереван, где несколько раз встречались с Левоником Тер-Петросяном, Председателем Верховного Совета Армении. Позиция армянской стороны была представлена нам следующим образом. Представители армянского народа Карабаха выразили готовность прийти к соглашению на базе отмены прежних решений о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Верховный Совет Армении поддержал эту инициативу, представляющую колоссальную уступку со стороны армян. Но такая уступка не должна быть односторонним актом. Вопрос о статусе Нагорного Карабаха, как и вывод из зоны конфликта отрядов самообороны (в азербайджанской версии — «боевиков»), которые в основной своей массе состоят из местного населения, а не из пришедших террористов и в которых находящиеся под угрозой депортации армяне видят единственных защитников, нельзя решать в отрыве от других вопросов. Необходим целый пакет политических решений. Такая позиция вызывает раздражение Баку: в ней видят посягательство на суверенитет Азербайджана.

Уже в Ереване мы разработали набросок плана и предложили его руководителям Армении (которые его одобрили) и лидерам Азербайджана, которые согласились его рассмотреть. Нам кажется, наши предложения могли бы стать полезным ориентиром в переговорах, если на них пойдут без каких-либо предварительных условий армянская и азербайджанская стороны.

Вне рамок этих переговоров, предшествуя им (поскольку это зависит

не от Азербайджана, а от Министерства обороны СССР), должен состояться отвод частей советской армии из зоны конфликта. При этом тяжелое вооружение должно быть вывезено вместе с армией, а не передано азербайджанскому ОМОНУ. Кажется, маршал Язов с этим согласился.

Первый этап: прекращение огня. Руководство Армении обращается к тем силам в Карабахе и армянонаселенных районах Азербайджана, на которые она имеет влияние, а лидеры Азербайджана — к тем силам, которыми они распоряжаются, с решительным призывом прекратить боевые действия — все, за исключением самообороны в случае прямого нападения. Далее Азербайджану необходимо объявить о том, что не будет происходить заселения тех армянских сел, жители которых депортированы с конца апреля, кем бы то ни было, кроме изгнанных оттуда людей. На первом этапе также важно освободить и передать всех заложников — как тех, которые содержатся под контролем государственных органов, так и захваченных неформальными силами.

Второй этап: разделение враждующих сторон главным образом силами внутренних войск МВД СССР. Это единственные профессионально подготовленные войска, пользующиеся к тому же доверием со стороны населения. Для контроля за ходом операции при областных и военных комендатурах важно создать группы наблюдателей из числа народных депутатов различного уровня — посредников и приданных им экспертов.

После прекращения огня должен наступить третий этап: восстановление конституционных органов власти и создание местной милиции, которая будет набираться из местных жителей: в азербайджанских селах — из азербайджанцев, в армянских — из армян.

Четвертый этап: органы местной власти силами местной милиции производят изъятие незаконно хранящегося оружия. Одновременно ОМОН Азербайджана и другие военнизированные формирования выводятся из НКАО и Шаумяновского района.

И, наконец, пятый этап: силы внутренних войск МВД СССР обеспечивают возвращение жителей, которые подверглись депортации начиная с апреля текущего года, в родные села, гарантируя им безопасность.

Вслед за тем можно будет приступить к решению более широкого круга вопросов и к проблеме беженцев, покинувших свои дома с 1988 года, — как армян, так и азербайджанцев.

Если врага не оказывается, его придумывают

Спор о том, нужно ли Советскому Союзу ядерное оружие и стоит ли проводить его испытания, начатый в № 26/91, продолжается.

США и НАТО нам не опасны, считает автор этой статьи, но от новых хищников обороняться тоже нужно

Константин Плешаков

В «Маленьком принце» король говорит: «Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя». Самое время вспомнить эту максиму, когда мы говорим с военными людьми или о военных людях.

Все чаще мы требуем от генералов обернуться морскими чайками, что вызывает их справедливое негодование. После этого, в свою очередь, негодуем мы. А на самом деле негодовать можно только в одном случае — если генерал сам хочет обернуться драконом. Но нельзя требовать, чтобы все генералы вдруг сделались пачифистами. Можно и, более того, необходимо пересматривать основы нашего — военно-промышленного комплекса, но не нужно забывать: не только мы ему нужны, но и он нам нужен. Нужен — по за чем и какой? Вот это действительно вопрос.

Закономерно всплыла тема ядерных испытаний — нужны они или не нужны. Но эта тема — частность, сама по себе не имеющая решения. Не в том дело, что нам нужен или не нужен мораторий на ядерные испытания, а в том, что нам до крайности нужна принципиально новая военная доктрина.

При этом невоенные люди абсолютно самостоятельно, «без генералов», разработать военную доктрину не в состоянии. Но предварительно нужна большая общенациональная работа по переосмыслению существующих доктрин.

Ответный удар по собственной тени

По-другому назвать нашу военную доктрину нельзя. Да, в Кремле и в Белом доме заявили, что СССР и США не рассматривают друг друга больше в качестве противников. Но и наши, и американские ракеты по-прежнему нацелены друг на друга, и в сейфах штабов по-прежнему лежат карты военных действий на территории друг друга. Военная доктрина меняется не тогда, когда политические лидеры об-

мениваются гуманистическими любезностями, а тогда, когда практические задачи армий полностью перестраиваются. На деле мы по-прежнему готовы, по выражению советских производителей ядерного оружия, опубликовавших статью в № 26/91, «сохранить возможность достаточного ответного удара, гарантирующего от агрессии». Готовы или не готовы — другой вопрос. Полет Руста свидетельствует о неготовности военных... Тем не менее мы по-прежнему рассматриваем Запад в качестве противника и основные средства и усилия направляем именно на «отражение» его агрессии. А теперь позвольте спросить: чью агрессию отражать будем?

Может ли кто-нибудь в здравом уме и полной памяти утверждать, что какая-либо из стран Запада нанесет удар по территории Советского Союза или — того больше — вторгнется на нее? Не будем упражняться в остроумии и задавать заведомо глупые вопросы — собирается ли Норвегия напасть на Советский Союз. Но тех, кто заявляет, будто сегодня в условиях процесса разоружения «создаются предпосылки для нанесения первого удара противником» (см. процитированную выше статью), совершенно категорически нужно считать либо очень наивными, либо... очень лукавыми людьми. Да, цели на территории Советского Союза стоят в планах американского командования. Но на какой случай? На случай агрессии СССР. Ракеты больше не нацелены на территорию стран Восточной Европы, потому что выбор Восточной Европы — мир — сделан; перестает быть целью и территория Прибалтики, ибо три прибалтийские республики де-факто отделили себя от Советского Союза. Мы же как СССР все еще внушаем страх, и действия армии порою выглядят бесконтрольными. И нельзя исключать, что к власти придет либо генерал-дракон (да уже и пытались), либо большевистский ортодокс (тоже пытались), либо популист национал-социалистического типа (а таковой даже вышел на третье место 12 июня). А тогда противостояние времен «холодной войны» может и возродиться. И так, Запад нам не угрожает, но мы в

Испытание
бомбы.
Испытание
бомбой

принципе можем угрожать Западу, так надо об этом и сказать честно.

Был и второй жупел нашей военной доктрины — Китай. Опять-таки кто может положить руку на сердце сказать, что Китай начнет войну против СССР? Что — очень жесткая формулировка? Так некорректно ставить вопрос? Но только потенциальная угроза нападения может оправдать существование нашего колоссального ВПК. Чей удар отражать будем с Востока? Китая? Японии? Если не играть в солдатики, а рассуждать реально, то выяснится, что, в частности, на Дальнем Востоке мы содержим громадную группировку войск без малейшей на то надобности.

Гречко выслушали и оставили министром

В прошлом у Запада были неограниченные возможности начать войну против СССР. Когда Сталин в 1948 году нагло блокировал Западный Берлин, Запад организовал воздушный мост, снабжая берлинцев продовольствием и топливом, и развернул войска на границе, но так и не организовал воздушный мост из бомб. Когда в 50-х годах Ким Ир Сен, Сталин и Мао Цзэдун развязали корейскую войну, в Корею уже не оставалось американских войск вообще и США пришлось экстренно высаживаться на Пусанском плацдарме и освобождал юг полуострова. При этом Запад пошел только на бомбардировку пограничных районов КНР — и это при том, что именно Китай вел фактически эту войну в Корею. Да, генерал Макартур говорил о применении против Китая ядерного оружия, но ведь не только не пошли на это, но и Макартура убрали. (Наш собственный маршал Гречко предлагал превентивный ядерный удар по Китаю во время конфликта 1969 года, его выслушали — и оставили на посту министра обороны.)

Когда вводили войска в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, и тогда ни-че-го Запад не сделал. И Китай в годы смуты не залил Забайкалье людским морем. Следовательно, исторический опыт доказывает, что угроза Запада (или Китая) была раздута. Любому тоталитарному ре-

План боя
готов.
Осталось
определить
противника

Фото ТАСС

жиму нужен внешний враг, хищный и опасный. А если такого врага не оказывается — его выдумывают.

Могут сказать: не напали, потому что мы были сильны. А на Панаму и на Гренаду в самом недавнем прошлом — напали. Но говорить так — значит совершенно не понимать американского мышления. Отношения с центральноамериканскими государствами — особая материя, а вот уже на Ближнем Востоке, где и политические, и экономические интересы США вопиют о себе, американцы не вмешались, покуда не получили санкцию ООН.

Одностороннее разоружение?

В таком случае не правы ли те, кто требует одностороннего разоружения Советского Союза (во всяком случае в ядерной области)? Все-таки — при всей мифичности традиционных «угроз» — не правы. Мы отнюдь не вступили в стабильный мир. Мы, наоборот, из стабильного мира вступили в мир нестабильный. Что такое стабильность? Мир да гладь да Божья благодать? Отнюдь. Стабильность — это свойство системы, позволяющее ей сохранять свои базовые, качественные, характеристики. Мировой порядок «холодной войны» был стабилен. Режим Сталина был стабилен. Режим Ким Ир Сена до самого последнего времени был тоже стабилен. А вот ситуация в СССР, в Китае, новый мировой порядок — крайне нестабильны. И, к сожалению, нет основания полагать, что стабильность здесь скоро будет обретена.

Больше года назад политолог Фрэнсис Фукуяма выступил со статьей «Ко-

нец истории», в которой обосновывал незначительность кризисных моментов в мире после краха социализма. Многие недоверчиво качали головами: история еще не кончилась, и это будет такая история, что ахнешь. И точно — ахнули. Хусейн вторгся в Кувейт. Не посмел бы такого сделать Хусейн в годы «холодной войны», а теперь, увидев крах многолетней стабильности конфронтации (а есть и такая стабильность), решился, надеясь в смуте урвать кусок.

История не кончилась. Начинается новый ее этап. После агонии социализма, чреватой, разумеется, самыми неприятными последствиями, наступил черед молодых хищников — новых центров силы «третьего мира». Ирак был только первым. Не будем перечислять их — какой регион ни копни, найдешь.

Пацифист скажет: ну и леший с ними, пусть американцы разбираются; скажет — и будет неправ. Слабый Советский Союз окажется заложником новых хищников, тем более что большинство их находится по периметру СССР, в Евразии. Ну, скажет пацифист, Ирак или Иран нас не оккупируют. Ирак или Иран, конечно, до Рязани не дойдут. Но учтем ситуацию в Закавказье... Большая часть Азербайджана в Иране. В Азербайджане, как и в Иране, шиизм. Иран — оплот исламского фундаментализма. Курды — везде, включая и Закавказье. Армения воюет с Азербайджаном. У Армении с Турцией традиционно трагические отношения. Азербайджанцы все больше отождествляют себя именно с турками... В этих узлах восточного ковра тысячекратней выделки легко увязнуть. И это только один пример. Необходи-

димо помнить: Союз или его правопреемники будут ответственны за геополитическое «союзное» пространство — как бы сама идея общности ни была ненавистна.

Следовательно, размер и сила нашей армии должны считаться по следующему уравнению: минус угроза Запада и Китая, а угроза новых центров силы — в уме. Как велика будет искомая величина — скажут эксперты в собственно военной области. Те же самые генералы, которым мы упоенно приказываем обернуться морскими чайками, вместо того чтобы поставить перед ними четкую задачу.

Здесь же мы возвращаемся к ядерной проблеме. Когда бы на свете были бы только мы и Запад, настоящих проблем бы не было. Одностороннее ядерное разоружение стало бы возможным. Но когда мы окружены бушующим «третьим миром», девятый вал стихии которого еще впереди, полное ядерное разоружение остается утопией, вредной, как все утопии. Ядерное оружие должно остаться. Как фактор сдерживания по нашему евразийскому периметру. Для того, чтобы это ядерное вооружение не превратилось в устаревший балласт, негодный для сдерживания, действительно нужны ядерные испытания. В конце концов ядерный полигон — не обязательно кладбище, как это бывает у нас. Ядерные взрывы в Неваде не отпугивают американцев от веселого Лас-Вегаса.

Республики имеют право на свою долю

Но опять же не все так просто... Союз дезинтегрирует. Никто больше не увидит в его составе Ли-

тву, Латвию и Эстонию, и у меня есть сильные сомнения в том, что увидят Армению, Грузию, Молдову, а может, и Азербайджан. Есть и сценарии более полного распада. Что тогда будет с ядерным оружием? Этот вопрос посложнее проблемы ядерных испытаний.

Строго говоря, по совести все бывшие союзные республики имеют право на свою долю и ядерного оружия, и танков, и авиации, и флота. В то же время распыление ядерного потенциала и даже военного потенциала вообще чревато последствиями, которые нетрудно себе представить. Правда, ряд республик, демонстрируя добрую волю и здравый смысл, уже отказываются от своей доли в ядерном арсенале. Но, с другой стороны, чего ради все республики должны оставлять военный (в том числе ядерный) потенциал Союзу или той республике, которая отчасти выступил его правопреемником в случае полной дезинтеграции, — России? Вот почему при всем желании и даже отчасти целесообразности разбежаться по национальным квартирам Союз в идеале должен остаться как геополитическая и военная реальность. Даже если он утратит все остальные функции. Последнему же премьеру подарят его бюст в натуральную величину из золота, как бы объемён-премьер ни был, — только бы ушел. Совет Министров канет в Лету. Общесоюзный парламент будет именно тем, чем он сегодня настойчиво хочет быть: безобидной говорильней. А все реальные дела будут решаться в республиках. Даже если все это предположить, все равно Союз останется как военный блок. Скорее всего без Прибалтики, хотя, если повести дело цивилизованным образом, — кто знает. Военный блок с совместным командованием, с правом вето республик на ведение военных действий и использование ядерного оружия в частности.

Если не думать об этих сюжетах, то в самом недалеком будущем могут возникнуть такие дилеммы, что сегодняшней спор о ядерных испытаниях покажется светской беседой.

Не будем приказывать генералам превратиться в морских чаек. Генералы еще долго будут нам нужны. И мы без генералов, извините, никуда не денемся. Может быть, именно теперь мы вступаем в период действительной, а не мнимой угрозы нашей безопасности. Это, разумеется, не основание, чтобы содержать по-прежнему колоссальную армию и отнимать у умирающей страны последние крохи на ракеты. Но и не основание говорить: «Прощай, оружие!» Сейчас мы — вместе с нашими генералами — должны верно просчитать уравнение: минус Запад, евразийский периметр — в уме...

Родится ли «союз умных людей»?

Реформаторы в КПСС отчаялись преобразовать партию. Российская компартия в очередной раз отстаивала чистоту своих рядов. Каков же политический итог? Сумерки КПСС. И новый шанс, который дает стране время и здравый смысл

Марина Шакина

Этим летом произошло уже немало событий, изменивших политическую картину в стране, — российский съезд принял присягу российского президента, созданы Движение демократических реформ, Демократическая партия коммунистов России. За массой значительных и менее значительных событий этого лета лейтмотивом звучат две темы — кризис КПСС и судьбы демократического движения.

Самосожжение продолжается

Как и ожидалось, пленум ЦК коммунистической партии РСФСР дал незамедлительный ответ на «происки» сторонников Руцкого, создавших учредительную конференцию Демократической партии коммунистов России, — исключил идеологов демократических коммунистов Руцкого и Липицкого сразу из членов ЦК, членов КП РСФСР и членов КПСС. Далее последовал обмен любезностями, но могущий не доставить сторонним наблюдателям огромного наслаждения. На пленуме Полозков назвал демократических коммунистов самозванцами, а вице-президент России откликнулся в том смысле, что Гоголь был прав, когда утверждал, что в России испокон веку две беды — дураки и дороги. Перепалка не утихла до сих пор — в ходу выражения типа «ма-разм» и «лицемерие».

Разобраться в формальной стороне вопроса затруднительно. Упреки в самозванстве с правом можно отнести к тем, кто их произносит, поскольку до сих пор непонятно, как и на каком основании была создана КП РСФСР и на каком основании существует сейчас — вроде бы партия, но не зарегистрированная. Вроде бы в составе КПСС, а вроде бы и сама по себе — со своей идеологией, своими вполне официальными лидерами и своими организационными структурами.

Как может ЦК этой партии исключить кого-то, действуя в том числе и от имени КПСС? Словом, происшедшее дает богатую пищу для злослов и острок. Если же попытаться проникнуть в суть проблемы, то напрашивается единственное объяснение и единственный вывод — российская компартия боится конкуренции, поэтому и спешит исключить «отступников», толком их даже не выслушав.

Продолжается публичное самосожжение — КП РСФСР избавляется от самых думающих, неординарных, талантливых коммунистов. Своим решением пленум, судя по всему, хотел продемонстрировать твердость и решимость: инакомыслящим в такой партии не место, будь ты хоть трижды вице-президент России. Игнорирование «раскольнической» деятельности Руцкого, посчитали в РКП, выглядело бы слабостью. Для Руцкого нашли формулировку пусть и сомнительную, пусть дающую повод для длительного, всем на потеху, выяснения отношений между ним и КП РСФСР через посредничество Центральной контрольной комиссии КПСС. А вот с Александром Яковлевым, совершившим, по сути, тот же «проступок», дело обстоит иначе: его пока не трогают. По его словам, ему любопытно, какую статью ему подыщут. Столь резкое отторжение Руцкого и его сторонников может создать ситуацию, в которой им ничего не останется делать, как только вправду образовать собственную партию и уже не в рамках КПСС, а вне ее. Несколько месяцев назад в интервью нашему журналу на вопрос, не боится ли он, что его и его единомышленников исключат из партии, Александр Руцкой ответил так: «Нет. Если исключат, так мы сами себя примем обратно». Примут... в другую коммунистическую партию. По здравом размышлении умные люди в КП РСФСР вряд ли найдут эти действия обдуманными и дальновидными — с точки зрения престижа, практической политики им было бы выгодно держать демократических коммуни-

Рисунок Виктора Богорада

стов под присмотром, сотрудничая и влияя на них. Теперь такой возможности КП РСФСР лишена.

А вот Ивана Кузьмича Полозкова проводили на другую работу с признанием заслуг. Смена лидера — второе политическое событие пленума КП РСФСР. С чужой ли подсказки, по собственному ли разумению поняли российские коммунисты, что Полозков явно и безнадежно непопулярен и что с таким лидером успеха на политическом поприще не добиться. Так или иначе теперь КП РСФСР возглавляет Валентин Купцов, имя которого никому ничего не говорит. Его выступление на пресс-конференции после избрания ясности тоже не прибавило. Идей или новых мыслей высказано не было, лишь привычное — «искать новые формы работы». Пожалуй, более красноречива его бескомпромиссная позиция по отношению к Руцкому и его сторонникам — очевидно, ни гибкости, ни терпимости от нового лидера РКП ждать не придется.

Молчание генсека

Произошло в КПСС еще одно достойное внимания событие. Александр Яковлев, не перестававший быть в центре внимания коммунистов и общества, покинул государственный пост старшего советника президента, что однозначно можно растолковать как шаг к выходу из партии. Оборвалась еще одна ниточка, связывавшая его с Горбачевым. Моральный долг поддержки последнего был, вероятно, одним из мотивов, почему Яковлев остается в КПСС, в то время как ее покинул, скажем, его единомышленник Шеварднадзе. По словам Яковлева, он, в отличие от Горбачева, уже отчаялся реформировать КПСС.

Есть одна загадка — молчание генерального секретаря КПСС, он же — президент СССР. Конечно, этим летом у него было предостаточно государственных тревожений и забот, и все же удивительно, что Горбачев так пока и не высказал своего

отношения ни к деятельности Руцкого, ни к его исключению, ни к инициативе своих ближайших когда-то соратников — Яковлева и Шеварднадзе.

Горбачев лишь принял участие в разработке новой программы КПСС, выступил по этому поводу на пленуме ЦК КПСС, между тем как за спокойную реакцию на ельцинский указ о департизации Горбачев в очередной раз подвергся атаке правых. Если Горбачев еще не отчаялся реформировать КПСС, то возникает вопрос: кто ему будет в этом союзником? Круг людей в партии,

способных его понимать, испаряется день ото дня, грозя оставить генерального секретаря в интеллектуальной изоляции.

Антикоммунистический либерализм

Иван Кузьмич не пропал для общества — он назначен заместителем министра сельского хозяйства СССР. Партийный работник такого уровня справится с чем угодно, даже если он работал последний раз лет сорок назад, а с тех пор — безвылазно партийный функционер. Напрасно пресса острит по поводу тасования одной и той же неоменкалтурной колоды, все равно ничего не меняется. Но самое интересное то, что явления, отдаленно напоминающие все ту же тасующуюся колоду карт, стали происходить в среде демократов. У демократов тоже идет своя спонтанная игра амбиций, в результате которой возникают различные сочетания известных имен. Этому сочетанию дается название. Последняя новость — провозглашено создание Либерального союза в рамках «Демократической России». У каждого из восьми учредителей по крайней мере по три-четыре политических ипостаси — посты в «Демократической России», в Демократической партии, в Республиканской, в Межрегиональной депутатской группе.

Первую скрипку в Либеральном союзе будут играть экономисты — они составляют ровно половину списка учредителей. Новая инициатива для них — возможность объявить обществу о своей приверженности полной либерализации экономики, неограниченной свободе предпринимательства, невмешательству государства в хозяйственную жизнь и деятельность личности. Такую программу пока не осмелилась провозгласить ни одна солидная партия, все хоть что-то упоминали о социальной защите трудящихся. В этом смысле Либеральный союз — новое слово, хотя еще вопрос, насколько это слово будет

воспринято публикой. Но в плане политическом новое объединение оставляет много вопросов. В декларации союза — программный антикоммунизм, антисоциализм и антиколлективизм, другие ныне распространенные политические идеи, которые уже проповедует ряд партий. Что здесь нового, ради чего стоит заявлять о себе? А как все эти «антиустановки» сочетаются с либеральной идеей?

Впрочем, здесь явно путаница в понятиях и названиях. Либерал, демократ, коммунист, радикал — лишь обозначения в системе взаимоотношений партий и группировок в игре под девизом «кто кого?». После пресс-конференции нового союза я обратилась к одному из учредителей Степану Сулакшину с вопросом: «Не кажется ли вам, что ваш радикальный политический образ плохо сочетается с понятием «либерал»?» — «Видите ли, моя политическая деятельность, с одной стороны, ориентирована на текущий момент, и в этом контексте я — член оргкомитета Движения демократических реформ, состояю в Республиканской партии (бывшая «Демплатформа»), с другой стороны, я — сопредседатель комитета в поддержку общественного суда над КПСС. Это — конъюнктурные политические задачи. Но я убежден, что социалистическая идея, идея коммунистичности, проиграла историческое соревнование... Кроме либерализма, у нас нет перспектив». Но все-таки в этом есть какое-то раздвоение личности, заметила я. «Я бы даже сказал не раздвоение, а расстройство, расдвояние, — откликнулся Сулакшин. — На нас колоссальная нагрузка; задач, фронтов работы — неимоверное количество. Я работаю и с коммунистами, пытаюсь вовлечь их в демократический процесс, но вместе с тем я убежден, что не должно остаться места в нашем обществе ни КПСС, ни идеям коммунистичности, если мы хотим быть эффективным обществом...»

Политологи давно предсказали нам, что на подходе новая волна политических деятелей, людей нового качества и уровня мышления, новой компетентности. И эта волна должна смести всех наших сегодняшних кумиров. Но пока, судя по всем признакам, ничто не предвещает ее появления. Единственная реальная надежда, которая вырисовывается для всех нас, — надежда на создание того, что я бы назвала «союзом умных людей». Намечается синтез интеллектуальной части коммунистического или бывшего коммунистического движения с наиболее реалистически мыслящей частью демократов. Первым предвестником такого синтеза стало Движение демократических реформ.

Одна из самых заметных и малопривлекательных черт сегодняшней политической публицистики — ее морализаторский тон. Морализаторство стало буквально поветрием. Сплошь и рядом анализ политики подменяется разбором моральных оснований этой политики или вообще моральных качеств проводящих ее лидеров. Личные идиосинкразии возводятся в ранг политических суждений. Моральная вера, убежденность в собственной правоте становится главным аргументом, в результате чего политический противник воспринимается как существо низшей морали и этим дискредитируется его курс. Важнее всего становится чистота исповедания собственной (политической) веры. Политическая борьба в целом принимает квазирелигиозный характер, превращается в борьбу абсолютных мировоззрений, неспособных к компромиссу. Такая практика уже дорого обходится и может в будущем еще дороже обойтись нашей стране.

Примеров можно привести бесконечно много. Возьму только один, но важный. Это «вопрос о принципах». «Правые», то есть коммунисты, постоянно твердят о достоинстве принципиальной позиции вообще, о том, что негоже поступаться принципами, и на этом основании клеймят отступников. «Левые», то есть демократы, уверенные в абсолютности своего политического откровения, полагают, что быть на их стороне — это уже морально, и поэтому поощряют перебежчиков из другого лагеря. «Идите к нам!» — как писала моя коллега по «Новому времени» Татьяна Иванова.

В результате «справа» слышится: «Предатели!», а «левые» пребывают в полной уверенности, что проблем нет, что предательство морально, если это предательство — в их пользу. Впрочем, «правые» вели бы себя так же на их месте, но к «правым» нынче никто не бежит.

А что же сами «перебежчики», бывшие Савлы, или, говоря сегодняшним языком, бывшие партократы? Все они твердят, в общем, одно и то же: «Раньше верили, а теперь вот убедились, что вера ложная, поэтому ушли из КПСС и перешли на другую сторону». Правда, это не очень убедительно звучит, когда пожилой многоопытный политик говорит, что на шестом году перестройки он «убедился» в том, в чем уже десятилетия убеждено почти все взрослое население и что уже несколько лет известно каждому школьнику. Но что делать, не скажешь же прямо, как сказал Присыпкин, бросая свою трудовую подругу и женясь на другой:

«...Она изящней и стройней, и стягивает грудь тугую жакет изысканный у ней!»

Вот никто из них и не говорит (насколько мне известно) по существу, не приводит политических резонансов, не аргументирует тем, что раньше просто не было политической альтернативы, а сейчас она появилась, и что политика, проводимая демократическим направлением, представляется более надежной и перспективной («она изящней и стройней...»).

Чем мил Присыпкин?

Леонид Ионин

Наверное, о подлинных мотивах умалчивают из страха показаться расчетливыми и циничными. Разумеется, здравые слова трудно произнести в нынешней атмосфере моральной истерии. Это может стоить карьеры. Но они должны быть произнесены, ибо в том-то и дело, что смена политических партнеров — не любовная измена и не религиозное обращение, а целесообразное действие, диктуемое чувством ответственности политика.

Любовь — это, как известно, частное дело. Сохрани Присыпкин, несмотря на «тугую грудь», верность своей прежней подруге, — он оказался бы на высоте в смысле морали, но в конечном счете это мало кого коснулось бы. Но если политик, видящий новые благоприятные перспективы, непосредственно затрагивающие жизнь миллионов людей, продолжает следовать прежним курсом, в котором сам находит мало смысла, он совершает, можно сказать, преступление против своей профессии и против своего народа. Политик при необходимости может и должен менять партнеров, не боясь, что морализирующий комментатор сравнит его с Присыпкиным.

И вера — частное дело человека. В вопросах веры можно решать только за себя. Хотя политика, как говорится, тысячами нитей связана с верой, она ей не тождественна. Поэтому когда об изменении политических взглядов и ориентаций говорят — сознательно или бессознательно — как о смене политической веры, то просто-напросто углубляют и делают непроходимой пропасть между старыми и новыми единомышленниками. Вносят раскол там, где нужна солидарность. Ибо вера всегда выдвигает абсолютные требования, а политические различия, наоборот, всегда относительно и, так сказать, притираемы. Примерно то же справедливо и относительно морали: совесть чиста тогда, когда моральные требования выполняются абсолютно, компромисс уже безнравствен. Политика же, как это ни банально звучит, — искусство компромиссов и коалиций. Политика, не признающая компромиссов и коалиций, самоубийственна, причем не только для лидера, но и для ведомых.

Знаменитый немецкий социолог Макс Вебер семьдесят с лишним лет назад сформулировал идею о том, что существует два вида этики: этика убеждения и этика ответственности. Первая — это та, которой живет, например, религия и которая является главным руководителем в нашей повседневной жизни. Вторая — это та, которой должен руководствоваться политик. Главная максима этики убеждения: делай только то, что должно, а об остальном позаботится Господь Бог. Главная максима этики ответственности: действуй так, чтобы отвечать за предвидимые последствия своих действий.

С точки зрения этики убеждения важнее всего спокойствие совести, дарующее ощущение собственного морального совершенства. Если что-то пойдет не так, как хотелось, то виноваты будут неблагоприятное стечение обстоятельств или другие люди: глупые, нечестные, безнравственные. Такое оправдание недостойно политика. Он должен считаться и с обстоятельствами, и с несовершенством человеческой природы. Он все это обязан предвидеть и со всем этим сообразовываться — искать коалиций и компромиссов. Политик прямо принимает на себя ответственность за предвидимые последствия собственных решений и действий, тогда как человек, живущий по этике убеждения, отвечает только за себя, за чистоту и цельность исповедания собственной веры.

У нас давно уже ходят слухи о грядущей гражданской войне. Так вот, эта война может оказаться только религиозной войной. Социальных причин для нее нет. Она начнется, только если сторонникам двух главных политических направлений удастся отгородиться друг от друга верой в абсолютную истинность собственных взглядов и поставить выше всего остального собственную моральную убежденность. Характерный для нынешней публицистики, и политики также, морализаторский пыл — это тревожный звонок, сигнал того, что мы на опасной дороге.

НИ ПАВЛОВ, НИ ЯВЛИНСКИЙ
НЕ ОБЕЩАЮТ ПОНИЗИТЬ ЦЕНЫ.
«НОВОЕ ВРЕМЯ» ЭТО ДЕЛАЕТ.
С НОВОГО ГОДА КАЖДЫЙ
НОМЕР ЖУРНАЛА **БУДЕТ**
СТОИТЬ ПОДПИСЧИКУ НА
1 КОПЕЙКУ МЕНЬШЕ.
И В ТРИ РАЗА **ДЕШЕВЛЕ**,
ЧЕМ В РОЗНИЦУ.
ВСЕ ПОВЫШАЮТ ЦЕНУ
ПОДПИСКИ — МЫ **ПОНИЖАЕМ**.
И ГАРАНТИРУЕМ:
БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ,
БЕСПАРТИЙНОСТЬ,
ЭЛИТАРНОСТЬ — ДЛЯ ВСЕХ!
С «НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ»!

Стоимость 1 номера по подписке — 59 коп.
Годовая подписка — 30 руб. 68 коп.
Индекс 70621.
Цена журнала в киоске в будущем году —
1 руб. 85 коп.

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

Валютный рынок: без края и без правил

Иван Жагель

**Монополизи-
ровав
распределение
валюты,
правительство
добилось, что
официальный
курс вызывает
улыбку, а
рыночный
повергает в
шок**

Если прочитать все, что в последнее время было написано о свистопляске курса рубля по отношению к другим валютам, станет очевидно: эти объяснения ничего не объясняют. Нужна какая-то антилогика, чтобы понять происходящие здесь процессы. Да и вообще не ясно, какой курс можно считать реальным: их существует по меньшей мере четыре...

На благо должников?

Официальный курс рубля — примерно 60 копеек за доллар — может вызвать разве что улыбку. И бесполезно пробовать обменять по такому соотношению свои «кровные» хотя бы в одном банке мира. Впрочем, ошибаются и те, кто говорит, что этот курс надо немедленно отменить.

Дело в том, что, поддерживая долгие годы все режимы в мире, которые называли себя революционными, наша страна выдавала им кредиты, оцениваемые не в долларах, а в рублях. Хотя, понятно, реально мы давали не рубли, а доллары. При этом использовался старый, «твердый» курс. Так вот, если мы сейчас девальвируем нашу денежную единицу, то накажем сами себя — товаров и твердой валюты от наших должников страна получит гораздо меньше, чем в свое время предоставила сама. Поэтому, прежде чем решаться на полную отмену официального курса, надо провести соответствующие переговоры и перевести долги во что-то более основательное, чем рубль.

Введенный осенью прошлого года коммерческий курс рубля — около 1,8 за доллар, — хотя и больше в три раза официального, но тоже вряд ли является реальным. Во всяком случае пользуются им не все, а только государственные предприятия и организации — для оплаты поставляемых им по импорту сырья, материалов, комплектующих, оборудования.

Курс так называемого черного рынка колеблется от 25 до 40 рублей за доллар. Его-то чаще всего и называют реальным, хотя с этим тоже трудно согласиться, и вот по какой причине: если по такому соотношению пересчитать доходы советских людей, то окажется, что мы беднее граждан самых слаборазвитых в мире стран, а это, безусловно, абсурд.

Кто же пользуется услугами черного рынка? Покупателями долларов, марок, фунтов здесь, как правило, являются дельцы теневой экономики, представители новых коммерческих структур, да и просто люди с высокими доходами — как

для сохранения своего капитала, так и для удовлетворения повышенных запросов. Нередко валюта приобретает людьми, которые уезжают за границу навсегда или в туристическую, деловую поездку. При этом опять же закупаются товары — или для себя, или для продажи внутри страны.

Ну а продавцами на валютном рынке зачастую бывают люди, оказывающие иностранцам те или иные услуги, в том числе проститутки, таксисты, уборщицы. И, конечно, реализуют валюту сами иностранцы, живущие в нашей стране постоянно или приезжающие к нам временно. Для них это очень выгодно: продав один доллар за 25–30 рублей, они спокойно могут пообедать на эту сумму в коммерческом ресторане, хотя за доллар в Нью-Йорке или в Вашингтоне они не всегда смогут выпить даже чашечку кофе.

Правда, после того как с апреля нынешнего года был введен еще один, так называемый рыночный, курс, который устанавливается на валютной бирже Госбанка СССР, иностранцы все чаще и чаще обращаются для обмена валюты в банки. Для них это гораздо удобнее, да и безопаснее. То же самое можно сказать и о валютных проститутках, таксистах.

Что же касается величины рыночного курса, которым пользуются частные лица, то на сегодняшний день он составляет 32 рубля за доллар. Впрочем, он может измениться, как только объем операций на очередных торгах валютной биржи — а они проходят один раз в неделю — превысит 10 миллионов рублей. Это правило введено для того, чтобы защитить граждан от всяких спекулятивных скачков курса, которые как раз и бывают, когда валюта выбрасывается на рынок маленькими партиями. Но именно это, к сожалению, сейчас и происходит на валютной бирже.

Бегом от «деревянного»

Из-за маленького объема предложения валюты на каждых торгах — от 3 до 7 миллионов долларов — и большого спроса рыночный курс для предприятий и организаций за последние четыре месяца вырос с 30 до 60 рублей за доллар (!). Цифра просто немыслимая и в буквальном смысле дискредитирующая нашу национальную валюту. Не случайно в последнее время за ней прочно закрепились всякие обидные названия типа «деревянный» рубль. Этот термин уже употребляется не только журналистами в газетных статьях, но и всеми другими гражданами в частных беседах — факт чрезвычайно тревожный, так как именно с этого начинаются бегство от рубля, скупка всего, что появляется в магазинах, и другие дестабилизирующие экономические процессы.

Рисунок Николая Воронцова

Ну а кто же может купить валюту по рыночному курсу, то есть каждый доллар за 60 и более рублей? Конечно, это не государственные предприятия, цены на продукцию которых и доходы жестко регулируются. Покупателями являются совместные предприятия, различные ассоциации, кооперативы, обладающие гораздо большими возможностями заработать хорошие деньги. Но дело даже не только в том, что цены у них не регулируются. Как правило, изначально эти коммерческие структуры вносят в свои уставы такой широкий спектр деятельности, что могут заниматься буквально всем. В том числе и внешнеторговыми операциями, где как раз можно окупить высокие затраты на приобретение валюты.

Естественно, речь не идет о покупке оборудования. Приобретенное по такому курсу, оно окажется просто невыгодным, разве что это будет станок, делающий из воздуха золото. Одно время мог окупить затраты ввоз компьютеров, множительной техники, что, в общем-то, способствует развитию народного хозяйства. Но сегодня, с поднятием рыночного курса до 60, коммерческие предприятия приобретают валюту только для импорта сверхде-

фицитного ширпотреба, за который наши богачи — а их уже немало — готовы платить огромные деньги.

На первый взгляд здесь нет ничего плохого — наш бедный рынок насыщается товарами. На самом деле ситуация не так безобидна. Мы говорим, что в былые времена заработанная страной валюта бездарно проедалась. Сейчас в страну ввозятся товары, ширпотреб, а не прогрессивное оборудование, передовые технологии. Значит, мы и в будущем останемся сырьевым придатком всего остального мира.

Что же нужно сделать, чтобы заставить валютные ресурсы страны работать на обновление нашей экономики и каким образом определить тот единственно верный курс рубля по отношению к другим валютам, который открыл бы нам дорогу для интеграции в мирохозяйственную систему?

Внутренняя конвертируемость

Слава богу, сегодня мы уже поняли, что нет такого гения или героя, который мог бы расписать, кому, что и в каком порядке надо делать,

чтобы добиться жизни, достойной людей. Отладить нашу экономику может только рынок. И правильно определить курс рубля также по силам только рынку. Правда, есть одно существенное «но»: сам рынок нам еще только предстоит сформировать, в том числе и валютный.

Кстати, валютный рынок ничем не отличается от любого другого — зерна, машин или стройматериалов. Если государство большую часть изготавливаемых в стране кирпичей распространяет централизованно и только малую их долю пускает в свободную продажу, то ни там, ни там цены не будут справедливыми. Точно так же происходит и с валютой: монополизировав распределение ее основной части, наше правительство добилось, что установленные им официальный и коммерческий курсы никем не признаются реальными. Чепуха происходит и на свободном рынке валюты, через который проходит всего около двух процентов валютных средств — естественно, это очень маленький противовес той массе рублей, которая гуляет сейчас в стране.

Поэтому первым шагом в формировании валютного рынка должен быть решительный отказ от всякого централизованного распределения. Кстати, эта мера названа основной и в составляемой сейчас союзно-республиканским валютным комитетом программе перехода к внутренней конвертируемости рубля. Да и как могло быть иначе, если конвертируемость в первую очередь предполагает свободную куплю-продажу этой денежной единицы по установленному на рынке курсу.

Переход к конвертируемости рубля и будет заключаться в формировании валютного рынка, а не в издании каких-то постановлений на уровне правительства или парламента. Ну а добавление к слову «конвертируемость» слова «внутренняя» означает всего лишь, что на нашем валютном рынке будут существовать на первых порах некоторые ограничения.

Скажем, при внутренней конвертируемости рубля советские организации не могут покупать валюту для осуществления инвестиций за рубежом. Иностранцы же организации получают право свободно продавать валюту на рубли, однако обратные действия — покупка валюты за рубли — будут возможны только в результате их хозяйственной деятельности на территории нашей страны. Тогда они смогут и перевести свои дивиденды за рубеж.

Еще одно важнейшее условие внутренней конвертируемости — это обязательная продажа предприятиями и организациями заработанной ими валюты на свободном рынке по существующему здесь

курсу. Естественно, так же свободно они смогут ее и купить. И здесь не возникнет никаких, так сказать, психологических проблем, если курс удастся держать стабильным. Чтобы предприятие знало: продав сегодня доллар по пять рублей, завтра оно купит его по такой же цене, а не, скажем, по восемь рублей.

Но вот вопрос: как предохранить этот курс рубля от резких скачков? Специалисты Министерства экономической политики и прогнозирования подсчитали, что потребность народного хозяйства страны в 1992 году будет составлять примерно 40–45 миллиардов долларов. Если такая сумма пройдет за год через наш валютный рынок, резких перепадов можно будет избежать.

Сколько же валюты страна реально сможет получить? В нынешнем году валютная выручка составит гораздо меньше, чем в прошлые годы, — примерно 20 миллиардов долларов. Сказалось снижение цен на энергоносители на мировом рынке плюс упали объемы производства в традиционных экспортных отраслях внутри страны. Но даже и эти двадцать миллиардов мы не сможем использовать полностью.

Существенно связывает руки огромный долг нашей страны зарубежным кредиторам — около 60 миллиардов долларов. Его обслуживание требует ежегодно 15 миллиардов долларов. Нетрудно подсчитать, что в нашем распоряжении остается всего 5 миллиардов — катастрофически мало. Не многим больше, скорее всего, будет и в следующем году. Где же взять остальные деньги?

Возможно, нам удастся добиться отсрочки по платежам за долги, но это всего 15 миллиардов долларов. Какую-то сумму мы, безусловно, получим за счет иностранных инвестиций в процессе приватизации государственности. Однако дело только начинается и большие иллюзии питать здесь также было бы смешно. Значит, остаются новые займы.

Скорей всего, после встречи

М.Горбачева с лидерами семи ведущих капиталистических стран в Лондоне деньги нам дадут, но только под определенные цели. Скажем, на создание стабилизационных фондов, из которых государство осуществляло бы интервенцию на валютный рынок и таким образом поддерживало бы курс рубля на определенном уровне. На каком?

Что мы можем себе позволить? Опять же, по оценкам специалистов Минэкономики и Госбанка СССР, максимальный курс, к которому, хотя и с большими потерями, может адаптироваться наша промышленность, составляет 5 рублей к доллару. Такой курс как раз и получится, если насытить рынок 40 миллиардами долларов.

Битва за валюту

Рассчитывая на значительную выгоду от введения внутренней конвертируемости рубля, мы не должны, конечно, забывать и о тех существенных потрясениях, которые будут все это сопровождать, особенно в социальном плане. Ведь многие предприятия просто разорятся, особенно в такой нужной для нас сейчас легкой промышленности.

Как известно, большинство из них зависит от импортного сырья, комплектующих, оборудования. Покупать все это за валюту, приобретенную по рыночному курсу, они просто не в состоянии. Какое-то время эти предприятия будут взвешивать цены — а освобождение последних также является непременным условием введения конвертируемого рубля, — но рано или поздно устаревшее оборудование, технологии многих заставят объявить себя банкротами.

Есть еще одна серьезнейшая проблема, которая возникла в последнее время в связи с намечаемой либерализацией валютного рынка и переходом к внутренней конвертируемости рубля. Дело в том, что республики получили возможность использовать часть валюты по своему усмотрению, значительную само-

стоятельность в вопросах лицензирования импорта. Переход же к конвертируемому рублю фактически перечеркивает все это.

В самом деле, о каком распределении валюты может идти речь, если вся она должна поступать на свободный рынок? Не менее очевидно и то, что при едином свободно обращающемся рубле надо жестко согласовывать лицензионную, таможенную политику. Казалось бы, здесь не может возникнуть каких-то других точек зрения, но при нынешнем разгуле страстей и стремлении к самостоятельности предлагаемые ограничения с таким трудом завоеванных прав воспринимаются чуть ли не как покушение... на суверенитет.

Во всяком случае российское правительство настаивает на том, чтобы часть валюты оно распределяло самостоятельно. Хотя по большому счету не понятно, чем тогда новая система будет отличаться от старой. Наивна вера, что такое распределение России удастся лучше, чем центру. Впрочем, не всегда здесь стоит видеть только лишь наивность.

В данном случае речь идет даже не о российском правительстве, а вообще о проблеме перераспределения власти. До формирования рынка в республиках наверняка образуется новый слой чиновников, которые будут сражаться за свои права не менее ожесточенно, чем это делают их коллеги в центре. И вопрос введения внутренней конвертируемости рубля может стать тем первым полем битвы, где они попробуют свои силы. Во всяком случае мне уже приходилось быть на некоторых совещаниях, где представители республик яростно отвергали эту идею.

Впрочем, пусть с большими потерями, но мы придем к свободному валютному рынку — альтернативы просто нет. С твердого, конвертируемого, уважаемого во всем мире рубля, который является мерилем труда каждого, а не поводом для анекдотов, как раз и начнется возрождение экономики, возрождение страны.

● Фирма «ЧУДО-АБИТУРИЕНТ»

предлагает
ОРИГИНАЛЬНУЮ
ПОДГОТОВКУ В ВУЗ
ЗА 20 ЗАНЯТИЙ

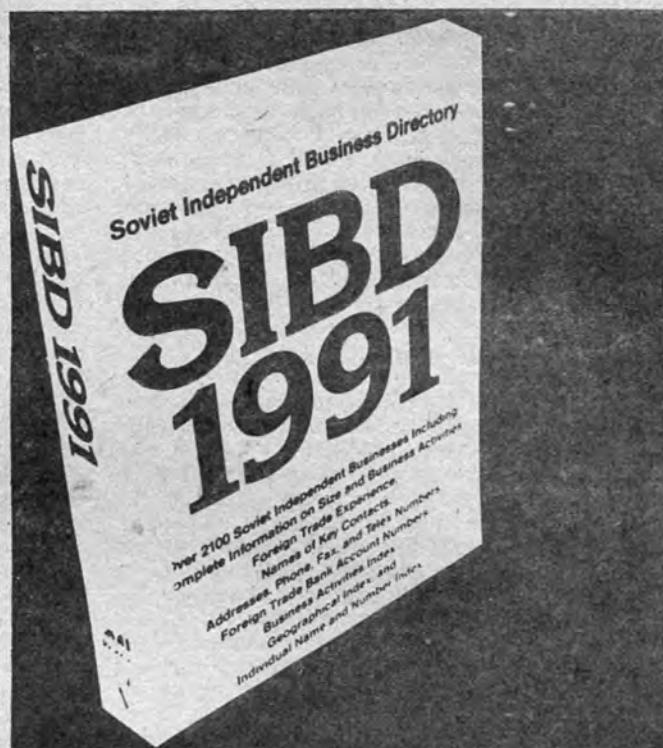
по любому предмету:

- математике — литературе
 - биологии — ин.языку
 - химии — русскому языку
 - физике — географии
 - информатике — истории
 - основам государства и права
- Телефон 405-84-50 (г.Москва) —
автоответчик, с 8.00 до 18.00

● ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ
изготовит для вас кооператив
«Практика» за наличный и
безналичный расчет
Адрес: 111024, Москва,
ул.Авиамоторная, д.49/1.
Тел. с 10 до 17 362-07-93
с 19 до 23 972-07-93

РЕКЛАМА В США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ЗА РУБЛИ!

ИПО СИСТЕМА-РЕЗЕРВ совместно с американской фирмой FYI Information Resources готовит к выпуску второе издание справочника «Soviet Independent Business Directory» 1992 года.

Всем советским предприятиям и организациям предоставляется возможность разместить рекламу в справочнике, который распространяется в США, Западной Европе и других регионах мира.

Стоимость размещения рекламы:

Одна полная страница (A4)	– 17.800 рублей
1/2 страницы	– 9.790 рублей
1/4 страницы	– 4.895 рублей

Материалы, а также письмо с гарантией оплаты должны быть направлены в адрес ИПО СИСТЕМА-РЕЗЕРВ до 15 сентября 1991 года.

320017, СССР,
г.Днепропетровск,
ул.Авиационная, 25
ИПО СИСТЕМА-РЕЗЕРВ
телефон: 0562/52-70-52
телефакс: 0562/44-13-68
телекс: 131499 LOCIG SU
телетайп: 143725 РЕЗЕРВ

Новые измерения кризиса

Что пугает Европу?

Югославский кризис все более приобретает новое измерение — международное. Как по характеру участвующих в нем сил, так и по возможным последствиям. Тем более что до прочного мира в Югославии еще далеко, а опасность нового резкого обострения вполне реальна

Не в последнюю очередь страх, что в случае новой эскалации кровопролития в соседние страны неминуемо хлынет поток беженцев. Их число может достичь миллиона человек. Больше того, некоторые европейские державы побаиваются, что «ценный» югославский опыт «решения» межнациональных проблем может оказаться привлекательным для других. Существует и опасность, что перекройка границ не остановится на Югославии. Подсчитано: если югославский пример окажется заразительным, под сомнение будет поставлено около двадцати границ на старом континенте.

Понятно, что европейские правительства встревожились, когда из тлевших долгие годы углей межюгославского конфликта начали вырываться языки пламени. Они решили действовать. Вначале была предпринята попытка разрешить кризис в рамках общеевропейского процесса. Но его механизмы, проходящие только первую обкатку, оказались неэффективными. Призывы к миру и разуму должного воздействия не оказали.

Тогда за дело взялось Европейское сообщество. С необходимостью его посредничества соглашались вроде бы все. И в Югославии, и за ее пределами. Сложности возникают при определении оптимальных путей влияния. Некоторые европейцы (впереди в этой шеренге шагает ФРГ) считают, что Европа должна «показать зубы», «ввести санкции», а при необходимости прибегнуть к вооруженной силе. Другие предлагают действовать сдержанно: осуществлять посредничество, обращаться с призывами, сочетать политическое давление с экономическим. Нет единства и в другом вопросе: должно ли Европейское сообщество занять сторону югославских республик или оставаться нейтральным арбитром?

Сегодня, после почти двух месяцев вооруженных столкновений, стали разда-

ваться голоса и о бессилии ЕС размотать клубок югославских противоречий. Европейские политики все чаще становятся в позу обиженных, сетуя на невозможность урезонить южных славян и предлагая заняться югославской головоломкой другим. Совету Безопасности ООН, например.

Думается, что неуспех усилий ЕС объясняется несколькими причинами. Прежде всего различной степенью заинтересованности главных участников югославского кризиса в посредничестве извне. Словения и Хорватия утверждают, что без арбитража Европы и присутствия иностранных войск разрешить кризис не удастся. Каждую новую жертву, каждое сорванное перемирие они используют как аргумент в пользу своей позиции.

Гораздо сдержаннее относится к перспективе размещения в «горячих точках» иностранных наблюдателей, а тем более солдат, Сербия. Ее позиция достаточно ясна: Хорватия провозгласила отделение от Югославии, не спросив согласия нескольких сотен тысяч живущих в ней сербов. Стало быть, консервация возник-

шей ситуации была бы на руку Хорватии.

На позицию Сербии влияют и упорные призывы некоторых членов ЕС поскорее признать Словению и Хорватию. С одной стороны, это означало бы, что Европа ставит крест на Югославии, с которой ее связывают сотни договоров, а с другой — в случае признания независимости Хорватии поддержка со стороны Сербии требований хорватских сербов стала бы трактоваться как вмешательство во внутренние дела или даже как агрессия. И тогда до вооруженной акции рукой подать.

Возможность направления в Югославию иностранных войск в последнее время упоминается все чаще: мол, не хотели наблюдателей — будете иметь дело с солдатами. Но единственными иностранными войсками, которые могут законно войти в Югославию, являются «голубые каски ООН». Для того чтобы они встали между враждующими сторонами, необходимо выполне-

ние двух условий: согласие всех постоянных членов Совета Безопасности и просьба самой Югославии. Оба условия сегодня можно считать нереальными.

Тревожит, однако, что не только журналисты, но и облаченные высокими полномочиями политики в последнее время нередко высказываются в том смысле, что войска ООН могут быть заменены силами Западноевропейского союза и что для их направления в Югославию отнюдь не обязательно согласие центрального руководства страны, достаточно просьбы одной из «независимых республик». В таком случае посылка войск имела бы такую же «законность», как известное по прошлым временам направление «ограниченного контингента по просьбе братского правительства». И, без сомнения, такие же грустные последствия.

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»
БЕЛГРАД

В поисках утраченного равновесия

В первые дни югославского кризиса Советский Союз действовал весьма сдержанно. Казалось, что он пытается остаться в стороне от событий, которые взбудоражили политические круги и общественность Европы. Для многих такая позиция сверхдержавы, без чьего участия (как в прошлом без участия Российской империи) на Балканах ничего не происходило, выглядела неожиданной. Однако был в ней, как представлялось, и свой политический смысл.

Во-первых, после распада восточного блока и примирения с политическим и военным уходом из Восточной Европы можно было резонно предположить, что Москва не станет проявлять особой заинтересованности и в сохранении позиций в регионе, в котором находится Югославия.

Во-вторых, в соответствии с новым мышлением в советской внешней политике и решительным отходом от старой практики, когда Советский Союз считал себя призванным вмешиваться в дела любой страны, где под угрозой находился социализм, логично было ожидать, что Горбачев «позволит» самим народам Югославии найти выход из кризиса.

В-третьих, резонно было считать, что СССР постарается избежать нежелательного конфликта с США и ведущими европейскими странами по любому политическому вопросу, и, стало быть, и в подходе к событиям в Югославии.

Наконец, можно было полагать, что Советский Союз настолько занят собственными политическими, экономическими, межнациональными и другими проблемами, что просто на-

просто не имеет ни времени, ни сил серьезно заниматься чужими проблемами и судьями.

Все эти причины сдержанной позиции СССР в первое время развития югославского кризиса могли бы считаться правомерными и сегодня, если бы недавно Советский Союз почти демонстративно не дал понять, что не намерен оставаться пассивным наблюдателем событий в Югославии. Чем можно объяснить такое «изменение»?

В развитии всего процесса переговоров СССР с США, а стало быть, и с Западом в целом, можно выделить два этапа. На первом этапе, при всем прагматизме Горбачева, в советской внешней политике была отчетливо заметна значительная доза «идеализма», несколько наивной веры, будто прекращение конфронтации между блоками само по себе автоматически приведет к созданию нового мирового и европейского порядка, в котором будет присутствовать полная гармония интересов всех актеров и партнеров. Этого, как известно, не случилось.

На втором этапе, в ходе которого произошли два важных исторических события — объединение Германии и война в Заливе, Советский Союз начинает с большим реализмом смотреть на международные события и, разумеется, на то, что он теряет и что другие приобретают. Объединение Германии было воспринято Москвой как «свершившийся акт», но уже в ходе войны в Заливе при всем стремлении не портить добрые отношения с США и Западом СССР пытается проводить политику, выражающую и его специфические интересы в этом важном политическом и военно-стратегическом регионе.

С учетом этих перемен поставается представить и причины, которые привели Советский Союз к дистанцированию от роли стороннего наблюдателя в решении югославского кризиса. Думается, что на изменение советской позиции в значительной мере повлияло то, что некоторые европейские страны открыто попытались подчинить решение югославского кризиса своим специфическим интересам и использовать его, чтобы обеспечить свое более осязаемое присутствие и влияние в регионе. Для СССР такой подход, видимо, был неприемлем.

Неприемлем прежде всего с точки зрения советского понимания идеи «общеевропейского дома», в котором сосед не пользуется трудностями соседа для извлечения собственной выгоды и интересы одних не могут удовлетворяться за счет других, сильных — за счет слабых.

Как можно судить, Советский Союз не хотел бы наблюдать, как в регионе, где он длительное время играл роль важного политического фактора, сейчас «окапываются» некоторые европейские страны, которые пытались достичь схожих целей еще во время второй мировой войны. Наконец, советская политика исходит явно и из того, что существуют многие параллели в развитии кризиса в Югославии и в Советском Союзе. Несмотря на все различия, формы и средства возможного «демонтажа» Югославии могли бы послужить шаблоном для аналогичного «демонтажа» СССР в будущем.

Имея все это в виду, нетрудно понять, почему СССР в переговорах с президентом Бушем, в официальных заявлениях, в демаршах, направленных отдельным странам, на встречах в рамках общеевропейского процесса ясно заявил о своей приверженности территориальной целостности Югославии как фундаментальному принципу, на котором основан современный правовой порядок. Советский Союз за то, чтобы сами народы Югославии мирным и демократическим путем решили вопрос о будущем устройстве своей страны.

Из этой позиции логично вытекает и желание СССР, чтобы страны Европейского сообщества в своем стремлении помочь мирному решению кризиса не перешли зыбкую границу, разделяющую конструктивную и благожелательную помощь и поддержку от прямого вмешательства во внутренние дела Югославии.

Югославия, которым в значительной степени присущи высокомерие и склонность к игнорированию всего и вся, почти не заметили первоначального отсутствия СССР в кругу стран, проявляющих интерес к развитию югославского кризиса во время его завязки. Надо сказать, что и сейчас они еще недостаточно осознали значение новой позиции Советского Союза как важного фактора равновесия в регионе и мирного урегулирования в Югославии.

Ранко Петкович,
югославский публицист

Партбилет туда и обратно

На площади у мавзолея, откуда в прошлом году вынесли мумию Георгия Димитрова, чтобы похоронить ее по-христиански, играют и поют. Молодые оркестранты, которым негде выступать, просят отдать им большое здание партийного дома — штаб-квартиры болгарской коммунистической партии, переименованной в социалистическую. Высокие голоса бьются в слепые глазницы партийного дома, забитые фанерой после прошлогоднего поджога.

Опустевший мавзолей исписан лозунгами, самые невинные из которых не свидетельствуют о симпатии к коммунистам. Но теперь у софийцев значительно больше оснований в благоговении остановиться перед мавзолеем, облицованным белым врачанским камнем. На трибуне, где прежде колоннам трудящихся открывались лунообразные физиономии под одинаковыми шляпами, сидят, свесив вниз утомительные ножки, софийские девушки, не признающие иных фасонов, кроме мини-юбок.

Все-таки политическая борьба на Балканах, при всем кипении страстей, кажется чуть менее жестокой, чем у нас, хотя президент Желю Желев сходным для всей Восточной Европы образом формулирует главную задачу общества — «устранение коммунизма».

Коммунисты наших дней

Председатель Высшего совета Болгарской социалистической партии Александр Лилев и его заместитель Андрей Луканов, несомненно, самые сильные политики в современной Болгарии. Тем не менее не придется ли им в скором времени оказаться вне политики?

У Лилова и Луканова сходная судьба. Быстрое продвижение по административной лестнице в живковской Болгарии, ссора с хозяином, опала и возвращение к руководству страной после 10 ноября 1989 года, когда Живкова отправили в отставку. Оба были членами политбюро: Лилев в роли секретаря ЦК по идеологии, Луканов как председатель Совета министров. Лилев считался идеологическим либералом, покровителем искусств, Луканов — высокопрофессиональным экономистом с европейским именем. На краткий миг они стали во главе страны и вновь были отодвинуты в сторону.

Болгария — единственная восточноевропейская страна, где компартия уцелела, не раскололась, не рассыпалась. До назначенных на сентябрь выборов она сохраняет большинство в парламенте и имеет достаточно министров в коалиционном правительстве Попова.

Правда, Андрей Луканов считает, что «Болгарская социалистическая партия в

Коммунисты просят больше не называть их коммунистами.

Они хотят быть социалистами, социал-демократами, просто демократами, наконец. Но в небольшой стране все знают друг друга. И человеку здесь не прощают его прошлое

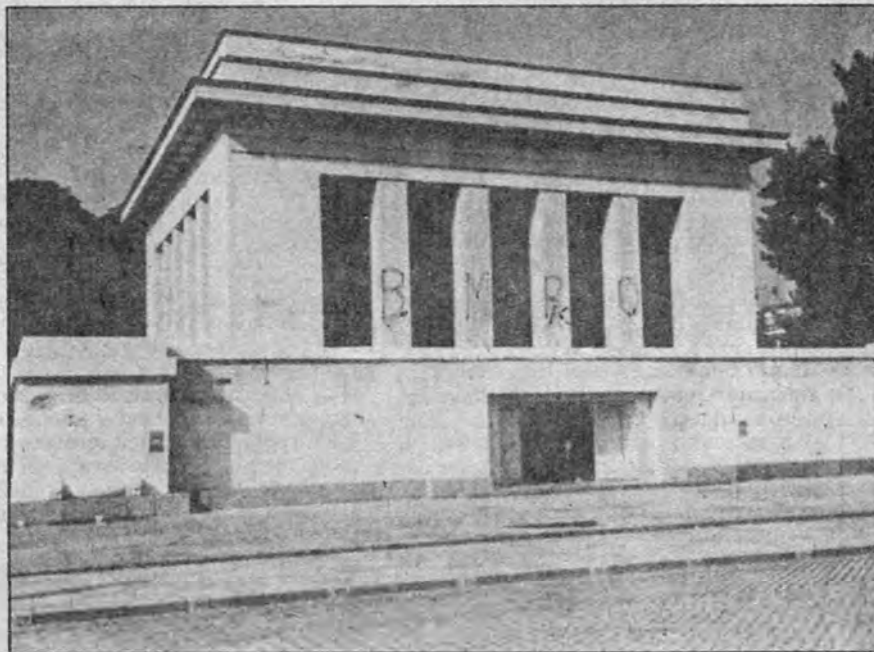
идеологическом смысле не может считаться наследницей компартии».

— Изменив название, мы изменили и суть партии, — сказал он мне. — Мы отказались от всего, что составляло содержание доктрины БКП, и приняли все идеи социалистической партии демократического типа. Нашей партии сто лет, создавалась она как социалистическая, к этим идеям мы и возвращаемся.

Но перемену названия не многие восприняли всерьез. Соратников Лилова и Луканова по-прежнему называют коммунистами. Слово это приобретает бранный оттенок. Тем не менее на будущих выборах им сулят почти треть голосов.

— Наша партия всегда была солидным участником политической жизни в стране, — объясняет Андрей Луканов. — Этого из истории не вычеркнешь. В 20-е годы она получала четверть голосов на выборах. Когда Болгария освободилась от фашизма, компартия была самой сильной в стране... Два года назад партия начала перемены не под напором толпы, заполнившей улицы, а осознав их необходимость. То, чего в других восточноевропейских странах добилась оппозиция, здесь сделала сама компартия...

На прошлых выборах оппозиция завоевала города. Деревня поддержала компартию. В Софии это объясняют следующим образом. Когда коммунисты после войны брали власть в Восточной Европе, Болгария была самой бедной. Для Польши, Венгрии, Чехословакии годы социализма означали постоянное отставание от европейского уровня, для Болгарии — движение вперед. Компартия кое-что сделала для

Опустевший мавзолей в центре Софии исписан антикоммунистическими лозунгами

болгарской деревни, крестьяне стали получать пенсии, их дети — поступать в университеты и делать карьеру. Телевизоры, холодильники, машины и другие достижения цивилизации появлялись в болгарской деревне словно бы по воле партии. Уйдет партия, объясняли агитаторы в деревнях, оппозиция отнимет у крестьян пенсии и отберет землю, которую придется возвратить прежним владельцам.

Андрей Луканов так объяснил партийную тактику:

— Переход к рынку связан с отказом от некоторых социальных завоеваний, которые люди привыкли считать вечными. Имущественная дифференциация, нестабильность, безработица — все это дает определенные преимущества партии, которая добивается разумного сочетания рынка с социальными гарантиями.

Сохранила ли партия влияние в армии, органах государственной безопасности, полиции?

— Армия и правоохранительные органы департизированы год назад. Создание там партийных организаций запрещено. Наша партия сама заинтересована в том, чтобы свои убеждения они не перенесли на профессиональную деятельность.

Это очень предусмотрительная позиция, преимущества которой никак не могут понять в руководстве КПСС. Идея суда над коммунистами, отчисления партиям, которые довели страну и общество до бедственного положения, витают над всей Восточной Европой.

Кто и за что должен ответить?

Андрей Луканов хладнокровно отвечает:

— Виновны все, кто жил в то время, ведь своей покорностью они позволяли обществу быть таким. В последнее время я перестал отвечать своим критикам. Я потратил на это много сил, полагая, что логика и факты имеют для них какой-то смысл, но увидел, что апеллировать к их разуму бесполезно. Им не в чем меня обвинить. Скажем, меня считают виновным в том, что у Болгарии большой внешний долг. Если бы эти люди хотели узнать правду, они бы легко выяснили, что на политбюро я выступал за ограничение импорта, за изменение цен и таможенной политики. Живков принял другое решение, но в чем моя вина?

Не один же Тодор Живков виновен в тяжелом положении Болгарии? Общество предъявляет своим бывшим хозяевам не уголовные, а моральные обвинения.

Многие в Болгарии хотят, чтобы бывшего руководителя компартии Тодора Живкова судили. Остальные боятся, что потом начнут судить всех коммунистов подряд

— В 60–70-е годы страна в целом развивалась нормально. Жизнь людей улучшалась. Помощь Советского Союза, интеграционные программы СЭВ играли стабилизирующую роль. Все начало рушиться с начала 80-х годов. Поймите, что при коммунистах значительный слой людей жил очень неплохо, эти люди испытывают сейчас ностальгию по ушедшим временам.

Жизнь была настолько хороша, что в Болгарии до середины 80-х годов не было и диссидентского движения.

— Режим в Болгарии, хотя и не знал себе равных по полноте абсолютизма, не был самым жестоким в Восточной Европе. Живков не стоит недооценивать, он был последним политиком византийского типа. Он был значительно умнее Чаушеску и понимал, что издевательство над народом к добру не приведет. Появлению диссидентского движения помешали эффективные меры, которые на языке тайной полиции именуются профилакцией. Но это сочеталось с гибкой политикой в отношении интеллигенции, которой представлялись различные привилегии: от свободного выезда за границу до почетных званий, льгот, высоких гонораров...

Такого же мнения придерживается и лидер соцпартии Александр Лилев.

— 70-е годы в Болгарии не были плохими. Особенно для развития культуры, хотя это не обязательно моя заслуга. На это время приходится бум переводов, когда Болгария познакомилась с современной литературой. Другое дело, что социализм опоздал с реформой на 20–30 лет. Убийство «пражской весны» лишило социализм возможности остаться в истории. А теперь меня не так пугает антикоммунизм, как растущая в обществе неприми-

мость, напоминающая прежний тоталитаризм.

Но кто же несет ответственность за состояние духа в стране, если не бывший секретарь ЦК по идеологии?

Телефон молчал, знакомые отворачивались

— Да, на мне лежит ответственность. Но все мы совершили эволюцию. И мы, и партия. Мы меняемся радикально, приспосабливаясь к новому миру.

Что представляет собой социалистическая партия? Просто переименованная компартия, которая надеется таким образом выжить?

— Внутри партии масса течений. И ортодоксальные, и социал-демократические.

Значит, партия идет к социал-демократии?

— Ориентироваться только на социал-демократов я считаю упрощением. Нужно учитывать весь опыт мирового развития. Вилли Брандт говорил мне: социал-демократия тоже нуждается в обновлении, в поиске ответов на вопросы, которые поставит XXI век. Проще всего освоить готовую модель. Труднее сбросить с себя мертвую кожу и выйти по-настоящему обновленной.

Быстрый расчет с прошлым вряд ли возможен. Болгарская социалистическая партия похожа на КПСС — это конгломерат разнородных течений, в том числе абсолютно анти-социалистических, и одновременно большая масса людей, которых вообще не интересуют никакие идеи. Они по разным причинам остаются в партии, испуганно наблюдая за переменами в обществе; их состояние лучше всего описывается термином фрустрация. Лавируя между различными течениями, Александр Лилев избегает называть партию

социал-демократической. Да и такая партия в Болгарии уже есть. Лиллов же хочет иметь свою партию.

После 10 ноября 1989 года Лиллов вернулся в политику, потому что шесть лет опалы в нем клокотала нереализованная энергия.

— Я вернулся, потому что мне представилась редчайшая возможность участвовать в обновлении страны. Я не мог уклониться от такого вызова.

— А если бы Живков не вышиб вас из политбюро?..

— ...Он все равно убрал бы меня через год. Мы разошлись слишком серьезно. Я говорил, что необходимо реформировать марксизм.

Когда у нас сбрасывали человека с высокого кресла, вокруг него возникал вакуум. Люди сторонились его. В Болгарии другие нравы?

— Нравы болгарского общества ничем не отличались от ваших. Несправедливость всегда имеет тяжелые последствия для личности. Когда замолкает телефон и знакомые перестают узнавать, остается последнее прибежище — семья. Жена, дети и друзья спасли меня. Я пошел в научный институт и увлекся работой.

Вы не жалеете о том, что большая часть жизни прошла в продвижении по крутой лестнице партийной номенклатуры?

— Еще бы! Но я верил в то, что мы делали.

Тот, кто ездил третьим классом

«Социалистической партии лучше всего было бы уйти со сцены, — сказал мне главный секретарь Союза болгарских журналистов Александр Ангелов. — Но и альтернатива бывшим коммунистам тоже не очень радует».

Оппозицию красным составляют синие. Оппозиция очень разнородна. Возродились старые партии со старыми лидерами, которые были репрессированы, но выжили. К ним спешат присоединиться бывшие комсомольские работники, неудачники прежнего режима, те, кто ездил третьим классом, но всегда мечтал о первом. В оппозиции много бывших коммунистов, искренность их новых речей вызывает сомнения. Болгария — страна маленькая, все друг друга знают и посмеиваются, видя, как, скажем, бывший преподаватель истории партии в милицейской школе объявляет себя христианским демократом. Больше верят, конечно, старикам, которые отсидели свое при коммунистах.

Определенное разочарование в личностях, олицетворяющих оппозицию (за исключением Желю Желева, крупные болгарские интеллектуалы остались вне политики), не убавило неприязни к коммуни-

стам. Лидеры оппозиционных партий, с которыми я встречался в Софии, охотнее всего говорили о Болгарской социалистической партии, рисуя будущее Болгарии, если эта партия сохранится, в самых черных красках.

Левые оппозиционеры считают, что БСП сможет выжить, если избежится от всех сталинистов и присоединится к социал-демократам. Правое крыло синих ставит вопрос по-другому: коммунисты должны исчезнуть с политической арены.

Если что-то и сплачивает болгарскую оппозицию, то это борьба с коммунистами, с БСП, с бывшей властью. Это очень похоже на то, что происходит в нашей стране.

Болгарская социалистическая партия далеко опередила КПСС: реализм и инстинкт самосохранения софийских коммунистов заставили их действовать быстро. Но мало кто верит в реальное перерождение компартии, скорее считают происходящие в БСП процессы мимикрией. Категоричность римского сенатора Катона прижила в политических дискуссиях на Балканах: оппозиция считает, что бывшая компартия должна быть разрушена.

Это может казаться несправедливостью. Скажем, те же Лиллов и Луканов на голову выше многих своих оппонентов. Немалое число членов бывшей компартии не ощущает за собой никакой вины. Они жили, как только и можно было жить в том государстве: безоговорочно принимая все правила игры. К тому же и деятели оппозиции вовсе не выглядят рыцарями без страха и упрека.

Разумеется, обществу нужна левая партия. Но лейбористская, социалистическая, социал-демократическая, вписывающаяся в рамки демократического развития, говорили мне в Софии.

Тем не менее атаки на бывшую компартию — не только проявление политической борьбы, но только желание сквитаться за былые обиды, высказать все, что приходилось таить. Сохранение бывшей компартии с ее структурами, с расставленными ею повсюду кадрами, с ее влиянием на определенную часть населения мешает развитию Болгарии. С одной стороны, она тормозит реформы, с другой — продолжает внушать некий страх соотечественникам: опыт 45 послевоенных лет не так легко забывается. Все-таки на сегодняшний день это единственная партия с мощной и развитой инфраструктурой, и, как бы это ни казалось невозможным, некий страх перед реваншем оскорбленных и обиженных коммунистов пока не исчезает.

Леонид Млечин
СОФИЯ

Фото автора и из журнала «Тайм» (США)

«Новое время». Вы не очень оптимистичны в отношении результатов встречи «семерки» в Лондоне?

Джеральд Фрост. Самый позитивный результат этой встречи заключается в том, что вам не дали никаких денег. Это вызвало вздох облегчения. В условиях экономического спада на Западе, после многомиллиардных затрат на войну в Персидском заливе любые новые финансовые инъекции ударили бы по карману рядовых налогоплательщиков. В том числе и по моему карману. Однако западные страны предложили Советскому Союзу вполне конкретный пакет предложений по поддержке реформ.

Помимо этого каждая страна решала и свои личные задачи. Германия старалась сцементировать основы тех особых отношений, которые сложились между Москвой и Бонном. Япония, стараясь не остаться в стороне от других стран «семерки», играет тем не менее в свою игру. Британский премьер получил возможность приобрести дополнительные козыри перед всеобщими выборами. Американцы, которым нужно определяться в отношении военного бюджета, нашли выход из тупика в связи с подписанием договора по стратегическим наступательным вооружениям. Короче, каждый получил какие-то дивиденды. И Горбачев тоже. Он получил поддержку лидеров семи самых могущественных стран мира, и это укрепляет его положение в СССР.

Но будем честными. В принципе ничего особенного не произошло. Намечено только начало пути, и еще трудно сказать, к какому берегу он приведет.

«НВ». Так правомерно ли говорить о том, что в международных делах появилась новая формула «7+1»...

Дж.Ф. Правильнее будет использовать формулу «семь плюс половина». У богатых стран в настоящий момент нет стремления расширять клуб «семи». Ассоциированное членство СССР в Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития — это пока не членский билет в клуб, а скорее вексель, который подлежит оплате. И так будет до тех пор, пока у Запада не появится гарантия того, что предложенная Горбачевым программа реформ советской экономики увенчается успехом. Смесь программ Явлинского и Павлова — явление уникальное, как, впрочем, и все остальное, что творится в СССР. Но против-

Семь с половиной

«Это счастье, что Запад не дал денег СССР», — считают **Джеральд ФРОСТ** и **Эндрю МАКХЭЛЭМ** — ведущие эксперты Института европейской обороны и стратегических исследований. С ними беседует собственный корреспондент «Нового времени» в Лондоне Сергей Бабусенко

естественный гибрид вряд ли принесет пользу советской экономике.

Без чека в кармане

«НВ». Тем не менее Запад все же предложил Москве пакет из нескольких пунктов, по которым СССР мог бы получить содействие...

Дж.Ф. Да, это так. Но если ситуация в СССР начнет меняться по привычному закону «зима—лето», когда в холодное время года ваше руководство совершает колебание в сторону консервативных сил, «семерке» предстоят тяжелые времена. Ведь лидеры Запада взяли на себя вполне конкретные обязательства, фактически привязав себя к реформам в СССР. К сожалению, уже есть печальный опыт «перестроечного» периода. В частности, стоит вспомнить план «500 дней»...

Эндрю Макхэлэм. Думаю, что Джеральд прав. Негативным результатом встречи в Лондоне я бы назвал скоропалительную поддержку плана Горбачева. Такие действия ставят лидеров «семерки» в зависимость от тех процессов, которые имеют место в СССР. Я не вполне уверен, что предложенная Горбачевым программа ведет к реальному рынку.

«НВ». Исходя из того, что вы сейчас говорили, незавидная доля выпадает на представителей Великобритании, которым первым предстоит побывать в Москве после встречи в Лондоне.

Э.М. Думаю, что министр финансов Великобритании Н.Лэмонг весьма осторожен и не привез с собой чек в кармане. Британские представители будут действовать строго в рамках решений, принятых «семеркой».

Дж.Ф. Кроме того, у Великобритании нет сейчас свободных финансовых резервов для инвестирования за границей. Перед британским пра-

вительством стоит задача стабилизировать собственную экономику в преддверии всеобщих выборов.

«НВ». Газеты воспроизвели слова премьер-министра Мэйджора о неиспользованных резервах советской экономики. Как вы полагаете, что он имел в виду?

Дж.Ф. Вы и сегодня обладаете огромными запасами природных ресурсов. Кроме того, у вас имеется

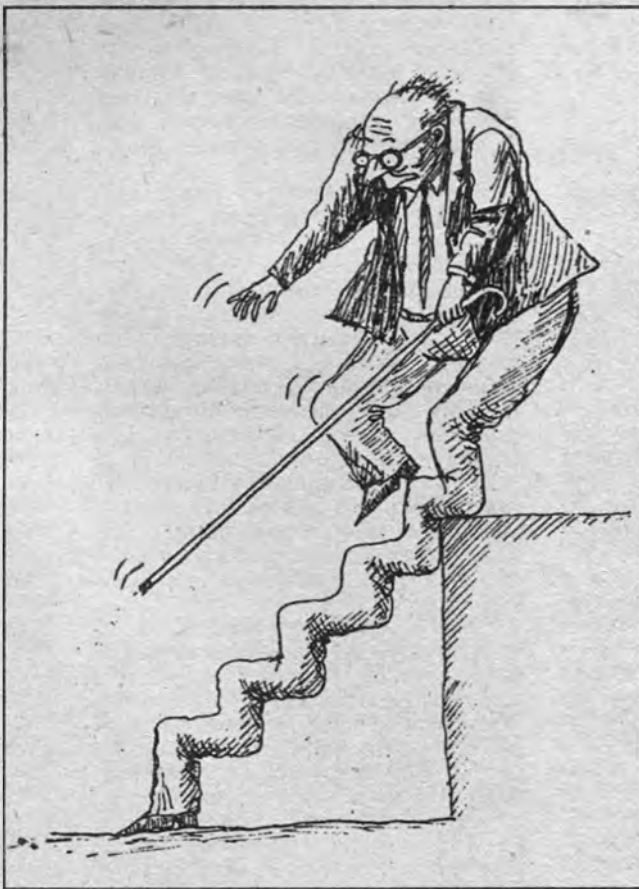

Рисунок Виктора Богорада

потенциальная возможность получения фантастических средств за счет сокращения военных расходов. По некоторым оценкам, ваши затраты на военное ведомство составляют до четверти валового национального продукта. Это безумные суммы! Сокращение их хотя бы в два раза позволит решить проблемы перехода к рынку.

Легче построить новые заводы

«НВ». Может ли Запад оказать содействие СССР в конверсии военного производства?

Э.М. Я в целом скептически отношусь к любым видам конверсии. Я не понимаю, как можно перевести производство с подводных лодок на стиральные машины... Конкретнее было бы говорить, на мой взгляд, о производстве альтернативной продукции...

Дж.Ф. Я считаю, что нереально, как предлагает Горбачев, перевести милитаризованную экономику на новые рельсы в течение 3—4 лет. За этот период лучше построить новые заводы для мирных целей. Не надо поддаваться иллюзиям. У нас на Западе был период, когда во время второй мировой войны предприятия переходили с производства гражданской продукции на военную. Когда отпала необходимость в этом, обратный перевод не составил труда. Так что у нас была не конверсия, а реконверсия. Вы же породили сложности, создав предприятия с однобокой военной технологией. Ни одна западная фирма, несмотря на все прибыли, не занимается производством только военной продукции. Их технологии носят универсальный характер.

Э.М. Думаю, что при преобразовании вашего военно-промышленного комплекса не обойтись без частного капитала. В принципе заинтересованность в этом будет. Ваши военные предприятия обладают высококвалифицированной рабочей силой, подготовленным инженерно-конструкторским составом, знающими менеджерами. Но как отнесется к этому ваше военное ведомство?

«НВ». Вы имеете в виду западный частный капитал?

Дж.Ф. Частный капитал не имеет национальности. Скажем, «Бритиш аэроспейс» — британская фирма, но, разумеется, с участием иностранного, как вы выражаетесь, капитала. Тем не менее, уверяю вас, на этой фирме умеют хранить государственные секреты.

«НВ». Даже не знаю, какой вопрос вам задать, чтобы окончить интервью на мажорной ноте?

Дж.Ф. Я постараюсь вам помочь. «Семерка» и Горбачев начали большую игру. В ней главное — соблюдать правила игры. Если не будет фолов, то успех гарантирован.

ЛОНДОН

Государство село на диету, и общество выздоровело

Рональд Рейган утверждал, что «правительство не решает проблемы, оно их создает». Президент опроверг сам себя. Правительство Рейгана вывело Америку из самого жестокого за послевоенное время экономического кризиса. И поразительным образом вселило уверенность в своих сограждан

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Долгие двадцать три года понадобились Америке для преодоления «вьетнамского синдрома», воплотившего в себе глубочайший и обширнейший кризис общества.

Когда за столом Овального кабинета в Белом доме оказался Рональд Рейган, страна все еще пребывала в полуголушенном состоянии, а громадные очереди за бензином летом 1979 года, захват чернобородыми исламистами сотрудников посольства США в Тегеране и наше вторжение в Афганистан никак не могли прибавить оптимизма американцам.

Выживет ли капитализм?

Этот вопрос в то время всерьез задавали не только наши ликовавшие идеологи, но и солиднейшие американские журналы, политики, бизнесмены, ученые. «Век неопределенности» — так назвал тогда свою серию телепередач и книгу всемирно известный экономист Джон Гэлбрейт.

Западная экономика то еле шевелила ногами, двигаясь вперед, то долго топталась на месте, то стремительно катилась в пропасть, и все

эти конвульсии происходили на фоне парализующего воздействия галопирующей инфляции. В Америке впервые за послевоенные годы рост цен превысил 11–13 процентов в год, резко замедлилось повышение производительности труда и технологическое обновление.

«Никогда еще в нашей истории американцам не приходилось сталкиваться с угрожающими нашему существованию тремя серьезными опасностями, каждая из которых может погубить нас. Мы видим разваливающуюся экономику, ослабленную оборону и энергетическую политику, основанную на всеобщей нехватке топливно-энергетических ресурсов», — говорил Рейган в те годы. А в программной речи при вступлении на пост президента он заявил: «...Соединенные Штаты столкнулись с серьезнейшими экономическими трудностями. Мы переживаем самый продолжительный в нашей истории период инфляции, которая держится на небывало высоком уровне. Она срывает наши экономические решения, подрывает благосостояние. Она угрожает благополучию миллионов людей...»

— Когда высокая инфляция пора-

жает такую громадную экономику, как американская, это вызывает страх, — рассказывает о тех временах вице-президент Федерального резервного банка (ФРС) Нью-Йорка Питер Бакстански. Обставленный в стиле начала прошлого века кабинет его художавого приветливого хозяина, с удовольствием объясняющего премудрости финансовой политики, расположен на тринадцатом этаже массивной серой коробки банка, где недавно Борис Ельцин почти шесть часов беседовал с финансистами. — Последствия инфляции в США пагубно отражаются во всем мире, поскольку валюта многих стран базируется на долларе.

При всех отличиях советской экономики от западных между болезнью, поразившей Англию и США в 70-е годы, и нынешним нашим кризисом есть много общего: законы экономики трудами о «преимуществах социалистического способа производства» не отменишь. Разница, конечно, есть, но не в нашу пользу: в условиях тотальной государственной монополии и многолетней скрытой инфляции порочная стагфляционная спираль, когда инфляция

подталкивает спад производства, а он, в свою очередь, рост цен, оказывает еще более парализующее воздействие.

Опыт Америки и Британии показывает, что без «шоковой терапии», которая была применена еще до «плана Бальцеровича», без жестких мер по стабилизации финансов, без спада производства и роста безработицы стагфляционную спираль, увы, не разорвать. А ведь нашей стране одновременно надо еще запустить мотор рыночного механизма. В этих условиях предотвратить полный развал хозяйства могут только скоординированные действия на всех направлениях, включая применение некоторых опробованных на Западе методов преодоления спада, умноженного на галопирующий рост цен.

Тем более что даже американцам пришлось решать сходную проблему стимулирования труда и предпринимательства. Не только нам, но и шведам или французам может показаться смешным утверждение о том, что причиной хозяйственного полупаралича Америки 70-х годов стало ее огосударствление. Но, видимо, у каждой страны есть свои пределы, определяемые характером, традициями и историей общества. Для американцев удушающим их деловую инициативу и стимулы к труду стало сравнительно небольшое вмешательство государства в бизнес. Ведь большинство из них от властей не привыкли получать ничего, кроме общей стабильности, а на местном уровне — шерифа и пожарных. В отличие от нашего анонимного всемогущего и покрытого дымкой таинственности государства-благотворителя американец совершенно точно знает, сколько и на какие «благотворения» государства идет из его собственного кармана, и если военные расходы им воспринимались как неизбежная плата за безопасность страны и ее лидерство в мировых делах, то разбухание социальных программ вызывало все большее раздражение как насильная уравниловка, поощрение иждивенцев и подрыв американского принципа «забота о благосостоянии каждого индивидуума — дело рук его самого».

Расширение функций государства на каком-то этапе нарушило присущий американскому обществу баланс, лекарство стало превращаться в яд, страна не могла прийти в себя без восстановления нарушенного баланса.

Слова Рейгана о том, что «работающие не получают справедливого вознаграждения за свой труд, так как существующая система налогообложения не стимулирует стремления к успеху и повышению производительности труда», нашли большой отклик в сердцах американцев.

«Перестройка» по-рейгановски

То, что произошло в экономике Соединенных Штатов, да и других развитых стран в XX веке, вполне укладывается в гегелевскую триаду и марксистский вариант отрицания отрицания. Весь прошлый век и почти три десятилетия нынешнего страна жила духом свободного от государства ока предпринимательства, «твердого индивидуализма» и веры в Адама Смита и «невидимую руку» рынка. Первое, что Рейган сделал в Белом доме — приказал достать из запасников и повесить портрет своего любимого предшественника Калвина Кулиджа, который в послании конгрессу о положении страны в 1926 году заявил: «Сущность нашей системы правления состоит в том, что она базируется на принципах свободы и независимости индивидуумов... То, что накоплено их личными усилиями, не должно стать источником государственной расточительности».

Увы, как говорят, «что слишком, то во вред здоровью». Доведенная до абсурда американская модель промышленного развития стала жертвой обожествления тотальной стихии рынка, как наша экономика жертвой другой крайности — безудержного огосударствления. Последовали инфаркт системы, «великая депрессия» и великий поворот Рузвельта к регулируемому рынку и превращению государства из «ночного сторожа» в ускорителя экономического и социального развития. В конце 70-х годов американцы пришли к выводу, что зашли слишком далеко по этому пути.

«Рейгановская революция» принесла самый крупный поворот во внутренней политике страны почти за полвека. Теперь государству предписывалось сесть на диету — взимать меньше налогов, меньше регламентировать хозяйственную деятельность, меньше тратить, урезать, а не расширять, как это было все предшествующие годы, социальные программы, и самое главное — прекратить все попытки управлять экономикой, полагаясь на энергию предпринимателей и рабочих.

Волей-неволей Рейган перегибал палку в своей экономической, социальной и военной политике, хотя больше по части риторики, чем по существу. Откровенно говоря, мне трудно определить, была ли вакханалия казнокрадства, биржевых спекуляций и незаконного даже по здешним меркам обогащения неизбежным побочным продуктом ведомого президентом поворота в экономическом поведении общества и платой за возрождение динамичной экономики или всего этого можно было избежать.

Теперь-то известно, что и экономическая программа администра-

ции Рейгана была далека от совершенства и цельности, и дефицит федерального бюджета не только не уменьшился, а увеличился в три раза, и надежды на увеличение накоплений американцев в результате сокращений налогов не оправдались. И даже в монетаристской политике она, оказывается, пожинала плоды столь раскритикованного всеми Картера или точнее — назначенного им нового председателя совета управляющих ФРС Пола Волкера.

— Ключевым днем в истории Федеральной резервной системы стало 6 октября 1979 года, когда было принято решение об изменении ее политики, — говорит Питер Бакстански. — В функции центрального банка — а это в США синоним ФРС — входит регулирование денежной массы путем увеличения или уменьшения резервов, прежде всего за счет купли и продажи правительственных облигаций. Соответственно удешевляется или дорожает кредит. До октябрьского решения ФРС устанавливала уровень учетной банковской ставки и тем самым не только не сдерживала, а, наоборот, подхлестывала инфляцию. Ведь, когда царит инфляционная психология, рабочие требуют заранее повышения зарплат, предприниматели заблаговременно закладывают в цену товара предстоящий рост цен на рабочую силу и сырье, и получается замкнутый круг. С октября 1979 года ФРС определяет только объем резервов, а уровень учетной ставки формируется естественным путем. По существу, это означало, что не всем хватит денег, на которые раньше можно было рассчитывать. Решительное проведение такой политики привело к серьезному экономическому спаду. Но инфляционная психология была сломлена. Осенью 1982 года начался самый продолжительный в истории США в мирные годы подъем, который длился до осени прошлого года.

В чем же тогда заслуга Рейгана? В том, что он своей довольно противоречивой экономической программой в чем-то помог и жесткой монетаристской политике, и росту производства, хотя в чем-то и мешал и тому и другому. В дни самого жестокого за послевоенное время экономического кризиса 1981—1982 годов президент стоически перенес всю критику и не отступил от своей программы при всех ее, казалось, очевидных недостатках.

В Америке азбучной истиной считается не только воздействие экономики на настроения людей, но и влияние психологии на экономику. А по части психологии, вселения уверенности в своих соотечественников равных Рейгану не было.

— Мы не обречены, как кое-кому кажется, на неизбежный упадок, — говорил он в инаугурационной речи.

— Я не верю в такую судьбу, которая постигнет нас независимо от наших усилий. Я верю, что это может произойти, если мы будем сидеть сложа руки. Давайте же, используя нашу творческую энергию, откроем эру национального обновления. Давайте же возродим нашу целеустремленность, нашу отвагу и силу. Давайте возродим нашу веру и наши надежды.

Какими бы мессиански-провинциальными ни казались (и справедливо) постоянно повторявшиеся Рейганом клише типа «мы верим в миссию Америки», «Соединенные Штаты остаются последней самой реальной надеждой человечества», они находили отклик в сердцах американцев, воспитанных столетиями веры в свою родину как «небесный град на земле».

Еще в мае 1982 года один из крупнейших исследователей американского общества Кристофер Лэш писал: «Отличительной чертой сегодняшней американской культуры и личной жизни является страх потери самого себя. На людей навалилось столько бед — экономическая деградация, усиление гонки вооружений, — что они отчаянно пытаются просто выжить в условиях всеобщего крушения». А через год с небольшим американцы смотрели в будущее с оптимизмом, невиданным полтора десятка лет; конечно, главным источником радужных настроений стал поворот к лучшему в экономике, но ведь все так взаимосвязано...

Все хорошо, что в меру

Когда Рейган провозгласил, что Америка возродилась, он был недалек от истины. Но за «перестройку» пришлось заплатить дорогой ценой — и не только разгулом индивидуализма.

— Темной стороной сокращения налогов при Рейгане было то, что оно не сопровождалось соответствующим уменьшением государственных расходов. А это привело к колоссальному росту дефицита федерального бюджета, — считает Питер Бакстански. — Вообще плохо, когда монетаристская и другие направления финансовой политики действуют в разных направлениях. Увеличение же государственного долга, который финансируется за счет накоплений американцев и иностранных депозитов, означает соответствующее уменьшение возможностей для предпринимателя взять кредит на обновление оборудования или для семьи на строительство дома. Дорожает кредит, дорожают деньги, возрождается угроза инфляционной психологии.

— Можно ли сказать, что в этом смысле нынешний спад имеет положительный эффект? — спросил я.

— Ну, говорить о том, что безра-

ботица — это хорошо, конечно, нельзя, — ответил мой собеседник, подчеркнув свой статус официального представителя.

— А если с сугубо прагматической точки зрения?

— Пожалуй, да. Спад подавляет инфляцию и создает для экономики новую основу, на которой она может расти. Главное же в финансово-политике такое разумное сочетание различных методов и подходов, которое обеспечило бы рост экономики и высокий уровень занятости при сравнительно стабильных ценах.

Таков идеал, который и в Америке далеко не всегда достижим. Но с точки зрения долгосрочных тенденций страна сейчас, похоже, находится в неплохой форме. Спад действительно остудил перегретую экономику, и в то же время появляется все больше признаков того, что он близится к концу, в этом есть заслуга и Джорджа Буша. Хотя он пришел в Белый дом как «верный соратник и продолжатель дела Рейгана», здесь сразу же отметили, что новый президент внес весьма существенные коррективы в философию новой администрации. В отличие от девиза своего предшественника «правительство не решает проблемы, оно их создает» Буш в своей инаугурационной речи сделал упор на примате общественных интересов над личными. Он призвал не ограничиваться сугубо материальными позывами: «Мои друзья, мы представляем собой не просто сумму наших приобретений... Мы не можем думать только о том, чтобы оставить нашим детям только машину побольше и счет в банке посolidнее. Мы должны думать о том, чтобы передать им понимание того, что такое верный друг, любящий родитель, гражданин, который делает свой дом, общину и город лучше».

Да и упиваться победой на выборах времени у новой администрации не было. Все лучшее, что удалось Рейгану, он унес с собой в историю. А все худшее — громадный государственный долг, обнищание самых бедных, банкротство кредитно-сберегательной системы, что может обойтись налогоплательщикам в полтриллиона долларов, деморализация гражданского чиновничества в Вашингтоне, скупка Америки японцами — естественно, осталось.

Перефразируя известное изречение вольтеровского Кандида, можно сказать, что, увы, нет ничего совершенного в этом лучшем из миров. Чтобы преодолевать новые проблемы и вызовы, нужны мощный потенциал и сила воли. А они у Америки и американцев есть.

НЬЮ-ЙОРК

Подписка о неразглашении

О подводных камнях в наших отношениях со странами «третьего мира» у нас писать не полагалось: разве что уж в самом крайнем случае, когда дело доходило до полного разрыва. Такая политика умолчания, с точки зрения руководства, была, видимо, оправданной. Например, в свое время, с подачи египетского президента Гамала Абдель Насера, советских граждан в Египте буквально травил, забрасывали булыжниками. Подчиняясь строгой инструкции, наши сограждане проглатывали обиды, терпели.

Но бывали случаи, когда человеческое достоинство не выдерживало и летели к чертям все инструкции, спущенные сверху. Когда советский гражданин собственноручно давал сдачи или спешил на выручку своим. В таких случаях вступала в силу «подписка о неразглашении» — обязательство молчать о том, что произошло. Так фактически узаконивалась вседозволенность в отношении советских людей: они, мол, все стерпят, ведь им не велено жаловаться и протестовать.

Недавно я разговаривал со специалистами из МИД СССР. Они в один голос уверяли меня, что в 1977 году в Сомали ничего особенного не произошло. Да, отношения наши тогда испортились, но советские специалисты были спокойно эвакуированы за 48 часов, и разговоры о том, что наш военно-морской десант «спас их», — выдумки.

Возможно, все еще действует инструкция о неразглашении. А возможно, дипломаты решили, что подобная публикация никак не будет способствовать развитию взаимопонимания между СССР и Сомали.

Собранные здесь материалы не преследуют цель бросить тень на сомалийский народ, но публикуются лишь ради того, чтобы воздать должное мужеству тех людей, которым приказали молчать и о которых потом незаслуженно забыли. Ну и гласности отдать должное, конечно.

Дмитрий Згерский

Четырнадцать лет участники событий молчали. Сомалийский диктатор Сиад Барре санкционировал разбойную акцию против советских граждан. Пока в Москве «изучали обстановку», советские военные моряки сопли на берег...

Взгляд с моря

Адмирал Михаил ХРОНОПУЛО, ныне командующий Черноморским флотом:

«В то время я находился на большом десантном корабле «50 лет шефства ВЛКСМ». Базировались мы тогда на севере Сомали в порту Бербера в Аденском заливе. 13 ноября 1977 года президент Сомали Сиад Барре объявил, что до 20 ноября все советские граждане должны покинуть страну. Кроме того, сомалийское руководство заявило, что все советское имущество, находящееся на территории республики, конфискуется. Я немедленно информировал центр о необходимости срочно организовать эвакуацию. Центр устроил мне нагоняй за паникерство и предложил составить план постепенной эвакуации до нового года. Я такой план составил и передал в центр. 14 ноября пришло указание переделывать план. В этой волоките прошел еще один день. Только 16 ноября поступило распоряжение срочно идти в Могадишо.

Мой корабль, когда еще был совсем новым, легко набирал скорость в 15 узлов. Но за восемь месяцев службы в южных морях оброс ракушками и водорослями. Времени-то осталось в обрез: от Берберы до Могадишо четверо суток ходу. Я по лоцманским картам определил оптимальный маршрут с использованием попутных морских течений. Прибыли мы как раз в последний день ультиматума — в полдень 20 ноября. Поскольку сомалийские власти вели себя по отношению к нам, мягко выражаясь, непорядочно, я не считал нужным запрашивать разрешение на вход в гавань Могадишо. Там еще стоял наш транспортный корабль, которому не разрешали подойти к причалу для погрузки советского имущества. Мол, грузить нечего, все теперь стало собственностью Сомали. Естественно, эту противозаконную акцию мы не признали. Высадили морских пехотинцев на берег. Как только на берегу появились наши десантники, ситуация мгновенно изменилась. Издевательства над нашими людьми прекратились, и никто не осмелился препятствовать погрузке советского имущества на транспортный корабль.

Офицер морской пехоты Анатолий КОРОЛЕВ. (С ним встретиться оказалось невозможным, но его

Эфиопская провинция Огаден (заштриховано внизу), кубинское военное присутствие (светлые звездочки), советское военное присутствие (темные звездочки). Северная часть Эфиопии — под контролем эритрейских повстанцев (заштриховано вверху). В таких условиях проходила эвакуация из Берберы (на севере Сомали) и из Могадишо.

рассказ как участника десанта мне передали его друзья.)

«На берегу стеной высились штабеля ящиков с тем самым имуществом, которое сомалийское руководство решило себе присвоить. За этими штабелями на высоте располагались вооруженные люди. А перед штабелями на узкой полосе вдоль причала находились советские специалисты с семьями, точнее, какая-то часть из них. Остальные были в аэропорту Могадишо. На этой узкой полосе суши они провели не то двое, не то трое суток под палящим солнцем. Выйти оттуда было страшно, поскольку по штабелям время от времени стреляли. Люди были в отчаянии. Когда к ним на выручку подошли десантные катера, женщины плакали, а одна из них не выдержала и прыгнула в воду с высокого мола вместе с ребенком. Моряки ее тут же подобрали, а потом дали несколько очередей поверх той баррикады из ящиков. Обстановка нормализовалась, все пошло как по маслу».

Контр-адмирал в отставке **Анатолий КОЛЧИН**, в то время начальник политотдела оперативной эскадры Тихоокеанского флота:

«Адмирал Хронопуло отправился выручать наших в Могадишо, а перед нами была поставлена задача эвакуировать советских людей и имущество из Берберы. Там находились некоторые технические подразделения, плавучий док, плавучая мастерская у причала. Советская колония с семьями насчитывала около полутысячи человек.

Кубинский пленный, захваченный сомалийцами в Огадене
Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Вкратце я обрисую политическую обстановку, которая привела к тем самым недружественным акциям со стороны сомалийского руководства: Сиад Барре бросил 42-тысячную армию против Эфиопии с целью захватить район Огаден. У Эфиопии армия была слабее, к тому же она была поглощена борьбой с эритрейскими сепаратистами. На помощь Эфиопии Куба послала своих солдат. Советский Союз не только перевозил их на своих кораблях, но и воевали они советским оружием. Огаден был довольно быстро освобожден кубинцами, а сомалийская армия потерпела поражение и была рассеяна. Для Сиада Барре со-

ветское участие не было секретом, и мы для него стали такими же врагами, как кубинцы и эфиопы.

Когда наши корабли из Аденского залива подтянулись к Бербере, нам уже было известно, что все советское имущество сомалийцами конфисковано, что советскую колонию окружили внутренние войска, идут обыски, вывозить или выносить за пределы советской колонии ничего не разрешено. Слышали мы, что и в аэропортах над нашими людьми творились бесчинства, а уж над кубинцами издевались, как хотели. Был издан указ, запрещающий нашим кораблям приближаться к сомалийским портам. Ждать детальных указаний из центра у нас времени не было: надо было срочно спасать соотечественников. Пришлось прибегнуть к небольшой психической демонстрации. Наш морской десант с танками и артиллерией выглядел настолько внушительно, что отряды сомалийских внутренних войск ни во что вмешиваться не посмели. Люди были эвакуированы, потом наши моряки демонтировали все советское имущество и погрузили на корабли. Плавучий док просто-напросто оторвали от причала и отправили в Аден вместе с плавучей мастерской. Все обошлось без выстрелов и эксцессов и было проделано в кратчайший срок».

Взгляд с суши

Игорь Георгиевич ПЕНЬКОВ, в то время старший политический советник начальника политотдела ВМС Сомали, ныне доцент Университета дружбы народов:

«В 1977 году война между Сомали и Эфиопией была в разгаре. Политические и экономические причины этой войны у нас хорошо изучены и описаны даже в энциклопедии. Однако я давно пришел к выводу, что подлинная причина нападения Сомали на Эфиопию заключалась в стремлении к исламизации региона. Христианская Эфиопия была бельмом на глазу для исламского окружения.

Советский Союз пытался соблюдать нейтралитет, но в итоге попал в крайне неловкое положение: ведь наши военные советники работали и в той, и в другой стране... Выступая на XXV съезде КПСС, сомалийский лидер Сиад Барре рассказывал, как он строит социализм, и наше руководство охотно ему верило, потому что хотело верить. Мы, те, кто работали в Сомали, убеждались, что наше руководство слабо знает обстановку в этой стране. Был торжественный визит Н.В. Подгорного, который в Москве считали очень удачным. А в Могадишо визитом остались недовольны, потому что считали, что советский руководитель должен был привезти

Капитан второго ранга И.Пеньков с сомалийскими коллегами: пока еще друзья

им большие денежные подарки или кредиты. Им нужно было с нас получить как можно больше. Главным для них был ислам, а социализм они расценивали как возможность получить экономические выгоды. Совмещение шариата с теорией социализма было нелепо, а нашему руководству казалось, что Сомали — на правильном пути. Между тем в стране царили феодальные порядки, фанатизм и культ личности президента.

Я пытался информировать Москву об истинном положении вещей, но мои письма туда не доходили, иногда уничтожались на моих глазах, поскольку шли вразрез с оптимистическими реляциями руководства советской колонии. Явление в общем-то распространенное: иному руководителю хочется приукрасить свою роль «в деле укрепления дружбы» даже там, где на самом деле отношение к нам враждебное. В итоге руководство перестало делиться со мной объективной информацией. Я и вся наша колония военных советников вынуждены были следить за ходом сомалийско-эфиопской войны по «голосам».

Первый признак надвигающейся грозы был связан с визитом Фиделя Кастро в Сомали. По всему Могадишо расклеили портреты гостя. В Сомали, кстати, работали и кубинские военные советники, и у них была та же проблема, что и у нас: хорошие отношения с Эфиопией. Когда Кастро выступал, ему аплодировали. Но в тот момент, когда в своей речи он посоветовал сомалийцам перенять опыт Эфиопии в создании коммун, началось что-то невообразимое: поднялся ор и свист, в кубинского лидера полетели камни, люди бросились срывать его портреты со стен. Сиад Барре отдал приказ всем кубинцам покинуть страну в течение 48 часов. Кубинцы явно не успевали, и мы приютили их у себя, благо наша колония военных специалистов с семьями находилась не в самом Могадишо, а несколько на отшибе.

Но дошла очередь и до нас. И вот что меня поразило — как мгновенно друг может стать врагом. Мы действительно дружили с нашими сомалийскими коллегами. Они, бывало, говорили: «У нас с вами много общего в самом главном. У нас рево-

люция произошла в октябре, и у вас революция октябрьская. Ваша страна называется СССР, и наша по-русски называется СССР — Союз Сомалийских Социалистических Республик». Я поинтересовался: а какие республики входят в состав Сомалийского Союза? Выяснилось, что президент Сиад Барре считал неотъемлемой частью Сомали такие государства, как Кения, Эфиопия, Джибути...

Еще утром 13 ноября мы с сомалийскими коллегами здоровались, улыбались друг другу. Днем президент объявил о денонсации договоров с Советским Союзом и фактически предложил нам убраться

Президент Сиад Барре: советское имущество останется в Сомали

вон. Вечером мы уже были окружены врагами. Для Москвы, ублаженной сказками о нерушимой дружбе, это был неприятный сюрприз. А для нас — сущий кошмар. В домах, где жили советские семьи, отключили электричество и воду. Поселок оцепили командос. Чтобы защищать нас от разъяренных толп. Они скапливались вокруг, выкрикивали угрозы и оскорбления, швыряли камнями. Начались трудности с питанием — в магазинах советским ничего не продавали. Удалось подстрелить несколько диких свиней, мясо которых в Сомали считается несъедобным.

В отличие от кубинцев нам мило-стивно дали целую неделю на то, чтобы покинуть страну. Советская колония оказалась на положении заложников. Кроме того, там была масса советского имущества. Как все это вывезти за неделю? Сомали-

йцы решили проблему просто: взяли и все конфисковали. Но как за неделю вывезти тысячи советских специалистов с семьями? Я обратился к командующему сомалийским флотом с просьбой разрешить заход в порт наших десантных кораблей из Аденского залива для эвакуации нашего имущества. Но Сиад Барре запретил: эвакуировать из Сомали нечего.

Наша группа начала переправляться в аэропорт, который оказался ловушкой. Там над нами просто измывались. За нами присылали спецрейсы — пассажирские «Илы», которые вели опытные военные пилоты в штатском. Когда ночью самолеты шли на посадку, на взлетных полосах полностью вырубали электричество. Только чудо и сноровка наших летчиков спасали от катастроф.

Очередь на таможенный досмотр стала бесконечно долгой. Женщины с детьми спали на полу, начали болеть. А таможенники неторопливо, круглые сутки, сменяя друг друга, потрошили чемоданы и сумки. Не знаю — правда или нет, но говорили, что особенным издевательством подвергся кубинский посол. Его раздели чуть ли не догола. Впрочем, и нашим досталось — не дай Бог. Отбирали практически все, включая поношенные детские вещи. Вытряхивает таможенник чемодан и попросту грабит. Смеется и откладывает приглянувшиеся ему вещи, говорит: «Это — мое». А сверху на антресолях дежурили с кинокамерами корреспонденты Би-би-си и Синьхуа. Посол строго-настрого наказал: не давать им «компромата».

И все-таки дождался те корреспонденты сенсации. Дошла очередь до одного нашего специалиста. Когда таможенник затеял издевательство над его семьей, расшвырял по полу детские вещи, он, здоровенный мужик, врезал ему как следует. И тут мы все, безоружные, вооружились полными бутылками «пепси-колы» и встали стеной, готовые драться. Те сообразили, что любая завараха со стрельбой по безоружным кончится плохо для них. Струсили. Тут как раз и наш морской десант подоспел. Дело сразу пошло быстрее. Я улетаю последним на АН-12. Меня таможня вообще не досматривала. Ну а когда прибыли на Родину, с нас взяли подписание о неразглашении...»

* * *

Р.С. Нет, Родина не забыла участников сомалийской операции. Особо отличившиеся получили награды, но с подпиской о неразглашении причин высокого отличия. Адмирал М.Н.Хронопуло первым среди военных был не так давно удостоен Золотой медали Фонда мира.

Плен в своем отечестве

Лев Разгон

До сих пор я комментировал документы, относящиеся к довоенному и относительно с другими «мягкому» лагерю. А как же было в других лагерях ГУЛАГа начиная с 22 июня 1941 года?

Продолжение. Начало см. в №31 и 32/91

гантные вагоны с табличкой «Москва-Воркута» можно теперь видеть на московском вокзале. И, если есть в этом надобность, можно проехать по всей этой длинной дороге в спальном вагоне, глядя через зеркальные стекла больших окон на безрадостный пейзаж: лес, лес, лес, болото, болото, болото... Да еще мелькнут за окном и мгновенно исчезнут остатки бревенчатой зоны и покосившаяся вышка. Следы сверхударного строительства. И знаменитых некрасовских строк — «А по бокам-то все косточки русские» — уже явно недостаточно. Здесь, по уверению тех, кто эту дорогу строил, под каждой шпалой лежит человек... И не один.

К началу войны дорога была далека до окончания. А уже первые месяцы войны показали, что ухтинская нефть, воркутинский уголь, лес северной тайги могут иметь важнейшее значение для продолжения войны. Естественно было предполагать, что поэтому строителям этой дороги, пусть и подневольным, будут созданы все условия, для того чтобы лучше работать, скорее закончить дорогу. Ничего подобного. Лагерь, строившие дорогу, стали той же обычной мясорубкой, где уничтожались — уничтожались бесмысленно и жестоко — сотни тысяч людей. Те, которые могли бы воевать, трудиться, создавать необходимый для ведения войны потенциал.

Но не будем читателя убеждать размышлениями автора. Обратимся к документам, которые невозможно обвинить в субъективных чувствах, излишних эмоциях. Они исходят от тех самых «оперативников», которые составляли ядро карательно-лагерной системы и адресованы своим начальникам.

Первый такой документ называется «Докладная записка о санитарно-бытовых условиях заключенных Печорлага НКВД». И уточняется: «По состоянию на 10 ноября 1941 года». «Записка» датируется 4 декабря 1941 года и направлена «начальнику оперативного отдела ГУЛАГа НКВД майору госбезопасности Иоршу». ГУЛАГ теперь находится не в Москве, в родном и близком Кузнецком мосту, а в городе Чкалове, на улице 9 января, дом 48. Ну, понятно: позади уже 16 октября, когда немцы рассматривали из Химок Москву в бинокль, и наиболее жизненно важные для страны учреждения были эвакуированы в безопасные от наступления противника места. И ГУЛАГ очутился в далеком-далеком от фронта Оренбурге, давно уже переименованном в Чкалов.

Итак, «докладная записка» говорит языком лаконичным и ясным: «По сообщению Оперативных отделов Северо-Печорского и Заполярного лагерей ГУЛЖДС НКВД, в связи с плохими сани-

Дорога на Воркуту: под каждой шпалой — человек

тарно-бытовыми условиями заключенных в лагерях смертность и заболеваемость среди них продолжает увеличиваться и принимает угрожающие размеры.

В октябре месяце 1941 года умерло 1474 человека, т.е. 1,32% от списочного состава заключенных».

Прервемся. Мы можем узнать то, чего нет в этом документе: точную цифру заключенных в лагере. По арифметике, если 1474 составляют 1,32 процента от всего количества, то количество это равно 111 666. Впрочем, эти данные быстро меняются. Ибо дальше следуют дополнения: «За первую декаду ноября умер 471 человек. Забо-

леваемость (гр. «В») в сентябре месяце составляла 12%, а в октябре месяце эта цифра возросла до 17,2%, а в ноябре имеет место еще увеличение. По неполным данным, трудотери по группе «В» в октябре составили 566 877 человеко-дней. В отдельных лагподразделениях, например в 1-м Отделении Печорлага, группа «В» достигла около 35%.

В северных отделениях лагеря, находящихся в особо трудных климатических условиях, за сентябрь месяц группа «В» составила 8,7%, в октябре — 11,9%, по данным на 10 ноября — 15,5%. Умерло: в сентябре — 70 человек, в октябре — 329 человек, за 10 дней ноября — 189 человек.

При списочном составе заключенных по этим отделениям, равном 27 823 человекам, имеется неполноценной рабочей силы 7454 человека. Находится в лазаретах 2113 человек, из них больных пеллагрой 601 человек, больных цингой — 297 человек, освобожденных — 1503 человека, в слабосильной команде — 683 человека».

Здесь я хочу снова прервать этот документ, чтобы объяснить, что же такое «слабосильная команда». Звучит почти смешно, настолько смешно, что понятие это начало фигурировать в фельетонах и всяких юмористических упражнениях. А в своей страшной действительности «слабосильная команда» значит следующее: это немногие, выжившие и выползшие из барачных, называемых «лазаретами». Их, как других, как большинство, не вынесли и не бросили в ящик, чтобы вывезти в ямы на лагерном кладбище, они теоретически должны использоваться на легких работах и пользоваться усиленным питанием, дабы снова стать полноценной рабочей силой. Да вот беда: в этом адском учреждении даже инструкции, исходящие от самого Сатаны, не действуют на чертей поменьше да поплее. И подписавший «докладную записку» заместитель начальника Оперативного отдела лейтенант госбезопасности Балацкий беспристрастно докладывает начальству:

«На колоннах в отношении больных заключенных применяются грубость и

Прошу об"явить з/к. ЛАСКАР-ЖЕВСКОМУ Николаю Исифовичу, что дело по обвинению его ВП СНБ

Выписка

Совещания пр
от 23

слушали:

В лазарете лежали вповалку — мертвые и живые

издевательство. Лиц, зачисленных в команды слабосильных, заставляют работать по тем же нормам, что и здоровых. Не выполнивших производственные нормы ставят на пониженное питание, что еще более истощает их и делает менее трудоспособными.

Начальник колонны № 73 16-го отделения вольнонаемный Ивановский заключенным команды слабосильных заявил:

«Я оставлю на вас только кожу и кости, но кубики вы мне дадите».

9 человек из команды слабосильных, не выполнивших нормы на 100%, Ивановский посадил в изолятор. Пом. по труду колонны № 2 16-го отделения Зубов до смерти избил больного заключенного Перельгина».

Нахождение в слабкоманде было лишь некоторой отсрочкой от почти неминуемого конца для всех, кто попадал в «лазаретные» бараки.

Лейтенант госбезопасности Балацкий, обязанный доложить причины плохого использования «контингента», докладывает:

«Жилищно-бытовые условия и санитарные условия заключенных неудовлетворительные, не обеспечивающие минимальных человеческих потребностей.

Колонны № 2, 105 и др., а также колонна слабосильных 16-го отделения не имеют вещдвольтства для заключенных — белья, одежды. Жилые бараки не утеплены, в бараках холод, грязь и вшивость, люди спят в верхней одежде. Дезокамеры и сушилки отсутствуют, кипяченой водой заключенные не обеспечены, в некоторых бараках нет нар и полов, заключенные спят на земле. В результате у заключенных появляется массовая заболеваемость. Только по одной 105-й колонне 16-го отделения за октябрь месяц было освобождено от работы по болезни 466 человек, а за 12 дней ноября — 214 человек. Такое же положение на колоннах № 10, 11 и 235 отделения. 13 отделение зимним обмундированием обеспечено только на 50%, заключенные ходят в ботинках, имеются случаи обморожения.

Питание заключенных не организовано. Заключенные питаются исключительно мучными продуктами и сечкой. За счет отсутствия овощей и недостатка мяса и жиров, которые заменяются мукой и сечкой, отделения экономят крупные суммы денежных средств. Только по одному 19-му отделению за 20 дней октября недоплатили заключенным продуктов питания на сумму 37 359 рублей».

Снова прервемся, чтобы объяснить непонятным, что такое «мучные продукты». Это не макароны, не лапша, не рожки, не пирожки и прочее. Просто — ржаная мука самого низкого качества. И

употребляется она или в виде хлеба, наполовину состоящего из воды, или же для изготовления «первого блюда» — затирухи. Так называется кипяток, куда бросается и растирается горсть ржаной муки. Ну а те, кто выработал норму, те получают «второе». «Вторым блюдом», как я уже объяснял, называется несколько ложек жидкой каши из сечки. Так называется суррогат крупы, состоящей из отходов при изготовлении ячменной крупы. Впрочем, часто сечка отсутствовала и тогда «второе блюдо» заменялось 200 граммами того же хлеба. Вероятно, будущие исследователи архивов ГУЛАГа

наткнутся на подписанные всеми большими начальниками нормы питания заключенных. И узнают, что их надлежало кормить таким-то количеством мяса, рыбы, животных и растительных жиров, сахара, овощей и прочих деликатесов. Не так, оказывается, мало полагалось арестантам, если только по одному отделению всего за 20 дней этим арестантам было недоплатено продуктов на сумму больше 37 тысяч рублей. Это по ценам, которые сейчас кажутся нам фантастически ничтожными... Но все это была такая же липа, как и всякая другая отчетность. В действительности все сводилось к тем «мучным продуктам», которые могли удержать жизненный баланс человека лишь на протяжении нескольких недель или месяцев. А дальше следовало то, что в «докладной записке» констатировалось:

«Лазареты лагеря переполнены больными. Центральный лазарет 4-го отделения: при наличии 485 койко-мест размещено 736 больных. В лазарете 14-го отделения часть больных размещена в полотняных палатках на полу. Недостаточное количество медперсонала в лазаретах приводит к тому, что больных не принимают по несколько дней. Истории болезней не заводятся».

Хотя приводимая «докладная» вполне правдива, но она пользуется терминологией, не очень точно рисующей действительность. «Лазарет» — это самый обычный барак. «Койко-места» — площадь, на которую можно вповалку или несколько разреженной разместить 485 заключенных. А их втискивали — 736. Значит, вплотную, лежа боком, или на полу, под нарами. А если это брезентовая палатка (зимой на Севере!), то на полу. И мертвые лежат вповалку рядом с еще живыми, и задача так называемого «медперсонала» сводится к тому, чтобы по утрам отделять мертвых от еще живых и вытаскивать для того, чтобы отвезти на так называемое «кладбище». В «докладной записке» факты приводятся по отдельным названным колоннам. Но так как в ней все же следует писать правду, только

НАЧАЛЬНИК СРЗ ОУДА...
ВАСИЛЬЕВ

рассмотрено, но за отсутствием оснований к отмене решения по делу, его жалоба оставлена без удовлетворения.

Младенцы в лагерях — зеки с рождения

правду и всю правду, то заканчивается она словами:

«Аналогичные случаи имеют место и в других отделениях и колоннах. По всем указанным вопросам были информированы начальник Печорлага НКВД тов. Потемкин и начальник Заплярного лагеря тов. Успенский, и начальники политотделов, но до последнего времени этим вопросам должного внимания с их стороны не уделялось.

Зам.нач. отделения опер.отдела ГУЛАГа НКВД СССР, лейтенант госбезопасности Балацкий».

Нет, невозможно упрекнуть «чекистов среди чекистов» — работников оперативных отделов, что они скрывали правду от своего начальства! В другой «докладной записке» начальник Оперативного отдела одного только Печорлага НКВД лейтенант Мальгин докладывает о положении дел на 10 октября 1941 года:

«В настоящее время заболеваемость и смертность принимают угрожающие размеры. Если в августе умерло 322 человека, то за сентябрь, по неполным еще данным, смертность — 892 человека, а по неполным данным за 9 дней октября умерло 210 заключенных. Анализ причин смертности по диагнозам заболеваемости показывает, что смертность более всего идет за счет пеллагры и гемоколиты при полном истощении.

Например, за сентябрь месяц умерло: от пеллагры — 161 человек, от гемоколиты при полном истощении — 123 человека и от крупозного воспаления легких — 34 человека, от туберкулеза легких — 29 человек, от кровавого колита — 16 человек, от паралича сердца — 28 человек, от дизентерии — 15 человек, от несчастных случаев — 15 человек, а остальные — от разных других болезней.

...Кипяченой воды ни в бараках, ни на производстве не бывает. Столовая не обеспечивает заключенных посудой и ложками, поэтому раздача пищи продолжается 2—3 часа. (Чтобы вы поняли, о чем речь: длинная очередь стоит на улице перед бараком, считающегося столовой, и ждет, когда хлебающие баланду заключенные похлебают свою порцию баланды и передадут алюминиевые миски и ложки следующим...) Сушилки на колоннах не имеются и не строятся. Начальник колонны вольнонаемный Петров высказывает такую точку зрения: «Зачем строить сушилку, когда можно обойтись и без нее».

В этой «докладной» встречаются строки, которые кажутся иногда непонятными и непостижимыми. Например: «Хирургические, акушеро-гинекологические, туберкулезные и дети, больные коклюшем, — все до настоящего времени находятся в одном корпусе». Ну, можно напрячь воображение и представить се-

бе, что в одном корпусе — то есть бараке, вместе лежат мужчины и женщины, больные с открытой формой туберкулеза и роженицы. Но откуда дети? А дети потому, что половина заключенных ведь женщины. И как бы ни запрещалось и всячески преследовалось «незаконное сожитие» арестантов, но никакая бдительная охрана не может уследить за соблюдением этих правил. Можно только удивиться тому, что у некоторых даже истощенность не в состоянии уничтожить половой инстинкт. Впрочем, истощение ведь переживает разные периоды. Как правило, такой лагерь делает людей совершенно бесполовыми. А все же — дети! Дети, в грязи рождающиеся, в грязи умирающие. Как положено по инструкциям, их сразу же отнимают от матерей и содержат отдельно — этих детей, которые становятся заключенными с первой минуты своего появления на свет... А если они в своем бараке заболевают, то их переводят в общий больничный барак. Странным кажется, что лагерные дети могут болеть такими натурально-детскими, такими «вольными» болезнями, как коклюш!..

Я уже рассказывал, как обрушился голод на наш Устьвымский лагерь в первые месяцы войны. Но все же нам нашу кровную пайку — пусть хоть и страшно уменьшившуюся пайку, — но давали каждый день. А, судя по донесениям оперативников, в Печорлаге было намного хуже. Ибо в январе 1942 года начальник оперативного отдела Печорлага посылает начальнику оперативного отдела ГУЛАГа НКВД майору государственной безопасности Иоршу «внеочередное донесение», в котором сообщает: «Положение с снабжением чрезвычайно напряженное, а в ряде случаев близко к катастрофическому». «Внеочередное донесение» докладывает:

«Неоднократные запросы Управления лагеря Главному управлению лагерей железнодорожного строительства об оказании помощи оставались без ответа. Принимая во внимание то, что в лагере высока смертность и заболеваемость, следует ожидать в связи с таким положением дальнейшего увеличения смертности и заболеваемости. Недостатки в снабжении вызывают резкие отрицательные настроения среди заключенных.

В качестве примера привожу положение на 13-м отделении лагеря: 4 января на котловое продовольствие была выдана последняя мука. Последние 4 дня не выдавалась горячая пища на завтрак и заключенные выводились голодными, получив 50 процентов причитающегося им хлебного пайка. 4 января из-за несвоевременной заброски муки на пекарню хлеб

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПЕРВЫЙ СПЕЦИОТДЕЛ

ГОДНЫМ КОЖИ
Выведение по А:

Талон от

Дежурному ко

Примите зресту

Лаокар

Никол

Вига

10.11.1941

10.11.1941

10.11.1941

Особые при

1. Рост *Средний*
2. Телосложение *Нормальное*
3. Цвет волос *Средний*
4. Цвет глаз *Средний*
5. Нос *Средний*
6. Пр. предметы *Средний*

был выдан только к 6 часам вечера. На колоннах увеличилось количество заболелых... В отделениях появились массовые отказы от работы даже со стороны тех бригад, которые ранее работали неплохо, отмечены случаи побегов, многочисленные контрреволюционные выступления».

О, вот уже эти слова представляют интерес для исследователя! Какие же «контрреволюционные выступления» имел в виду начальник Оперотдела? А он об этом в своем «внеочередном донесении» пишет:

«Привожу конкретные факты: 2 января на колонне № 10 пытался покончить жизнь самоубийством заключенный Шлыков. Его самоубийство было предотвращено. Шлыков на вопрос о причинах покушения заявил: «Лучше покончить жизнь самоубийством, чем поместить голодной смертью».

8 января на колонне № 3 бригада Сосенкова, не получив горячего завтрака, отказалась выйти на работу. Сам Сосенков заявил: «Дожили до ручки. Голодом людей морите, а все кричите — больше заботы о человеке». Накормите, тогда работать будем».

Нам следует придать смысл тем терминам и выражениям, тому специфически лагерному «новоязу», которым пишутся подобные документы. Под словом «зав-

«Стратегические объекты» за Полярным кругом

трак» имеется в виду 50 процентов хлебной пайки, выдаваемой арестанту перед выходом на работу. Это значит, что не отдохнувший за ночь, в сырой и влажной одежде, совершенно ослабевший от голода человек получает 200 граммов сырого, скорее мокрого, хлеба, мгновенно поглощает этот махонький кусок хлеба, а дальше должен идти на 12 часов работы. А происходит это в январе месяце, и не в какой-нибудь Флориде, а за Полярным кругом, и работа эта заключается в том, чтобы рубить лес или же копать мерзлую землю, делая насыпь железной дороги. Как же они выдерживали это?! Да не вы-

держивали. Умирили. Умирили почти все. А их заменяли заключенные из других этапов. В 1941–1942 годах из районов, куда двигались немцы, быстро, гораздо быстрее, нежели стариков, больных, детей, жен солдат и офицеров, вывозили заключенных. Из тюрем, из больших и малых лагерей, из колоний. Половина из них гибла в длинном и буквально смертном пути. А выживших — совершенно истощенных, раздетых и разутых, иногда еле двигающихся — привозили в северные лагеря, и прежде всего на «стратегические объекты». Строительство Северо-Печорской дороги, конечно, таким объектом и являлось.

(Окончание следует)

«ДЕЛОВОЙ МИР»

Вниманию организаций, заинтересованных в покупке американских и французских теле- и видеопрограмм на VHS — для показа в видеотеках, на Betacam и Hi-Umatic — с правами на трансляцию.

Мы можем предложить вам:

- 16 часовых программ — «История американской музыки» — от спиричуэлз до рока.
- Пьесы Шекспира, сыгранные лучшими американскими актерами в тщательно воссозданных костюмах и постановке театра «Глобус» (производство «Century Home Video», США),

а также:

- 10- и 30-минутные программы новостей из областей науки и техники, спорта, бизнеса и приключений. (производство телекомпаний «SIIS» и «Cite des sciences»)

Эти программы демонстрируются 50 телекомпаниями во всем мире.

Сегодня мы предлагаем их ВАМ.

Ваши заявки направляйте по адресу:

Москва, Рыбный пер., 3, подъезд 2.

Факс: 923.67.31.

Исключительное право показа в СССР:

ТВ-радио служба «Деловой мир».

Шаманский тупик

На учредительном съезде Русской национальной партии в Москве он, в сапогах и галифе, сказал: «Я представляю Русско-вятскую общину»

Александр Росляков

Когда-то, едучи именно что «навеселе» в московском метрополитене, я спросил у группы бойких косоглазых чужестранцев: «Откуда?» С какой же радостью они мне, люди роста небольшого, прокричали свое слышанное раньше разе как курьез географическое имя!

А недавно, уже довольно осторожно, я спросил то же у соседа по столу в одном подземном месте — и не получил вовсе ответа.

А он был прост: «Нагорный Карабах».

Но, глядя на чужое горе, думаю о том своем, семена чего пока еще — надеюсь! — не входят глубоко в родную, кровную мне почву.

О тех русских — ли? — безумцах, которые, тоскуя по крови, зовут нас к нашим российским карабхам.

С одним из них, отцом-основателем странного поселения под именем «Русско-вятская община», из тех, что сами вешают себе, в обгон еще не оказанных отечеству услуг, картонный орден «патриотов», я виделся и говорил как раз в самом тасжном захолустье бывшей вятской, ныне кировской, земли.

Звать его... Да можно и не называть, не делать бесплатную рекламу; время зычное, и Masse ловкачей, я вижу, совершенно наплевать, в каком контексте, с каким знаком быть помянуто, лишь бы быть; да и люди с распятого Христа (Ренан) особо

падки окружать легендами гонимых. Правда, окрест Язычнику — так окрестил этого нехристя народ — ничего подобного достичь не удалось, хоть и хвастал, что завтра по его кличу здесь толпы встанут с топорами на священную национальную войну. Местные парни с топорами, двое фермеров, ставивших себе по грандиозному, 7х9, двухэтажному домину, сказали вообще: нашли с кем связываться, мало ль интереснейшего кругом!

Да, сегодняшнее житье сквозь все, подчас лукавое, вытье как раз и интересно этим: куда ни глянь — прет как густая поросль с тополиной культи окаянная, на взгляд иных, инициатива. Нет глины, кирпича — на шестой части суши, леса — в лесу, шифера, самой лицензии; но где частник, даже партизан, все как на дрожжах и пашется, и строится, и садится.

И посмотреть, как ладится дело у двух молодых хозяев с топорами, свояков Сергея Волкова и Ивана Долгирева, конечно, любо. «Дома и солома едома» — бросовое там, за бугром колхоза: старые бревна, мо- локопровод и прочая оснастка обрели, как сплошь в стране затейников, у нас, вторую жизнь у фермеров. Работа через день — другой каждый рубит свои хоромы поражающих размеров; главное ж, досочилась наконец сквозь все до таких независимых, упоенных в доску не вином, а делом (весь район их любит) крепышей помощь российского правительства.

Еще неожиданный цветок частного предпринимательства: в подвале районного универсама азербайджанцы открыли трактир «Лесной». Огромный зал, столы для кушанья, где пусто; народ нахлест-

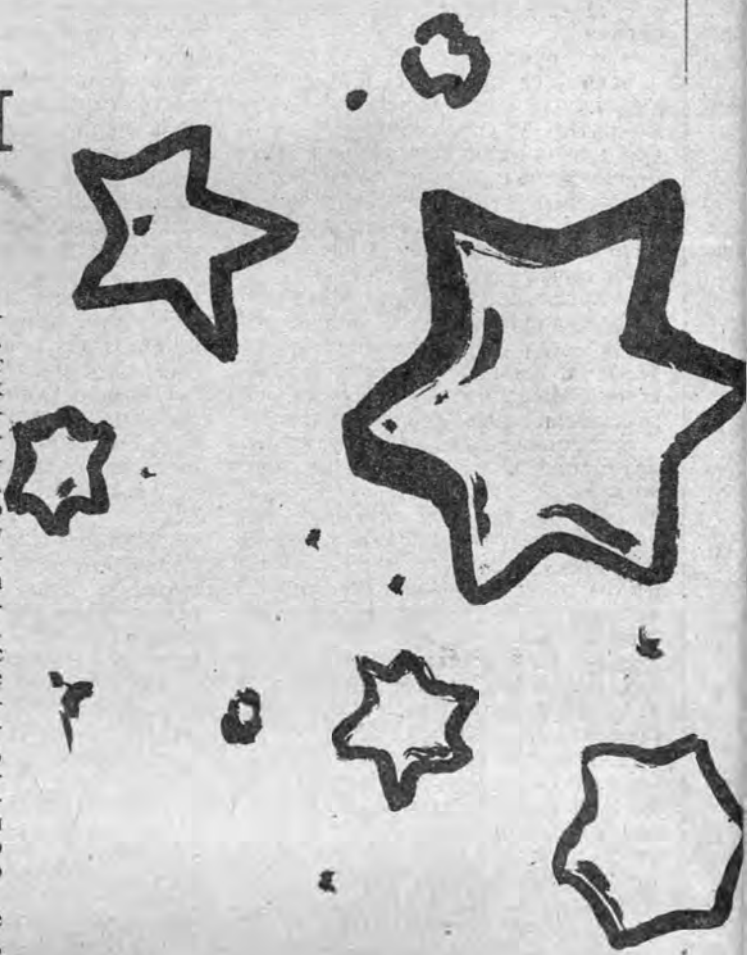
ывается прямо в подсобке с винной бочкой и, частью, падает сразу под вывеской снаружи. Я попросил не пить, а есть; хозяин с радости не знал, как услужить-уважить; 3.50 за порцию шашлыка парного мяса — не нажива рядом с фонтанирующей золотоносной бочкой; карман набит — настала очередь души, — увы! К милиции: не досаждают торгаша, хмеля народ? — «Они нам помогают». — «Как? Поставляют контингент, суточников, на стройку нового, для них же, здания».

И вот со всей этой подсолнечной, как на припеке под колышмой листовой, игры светотеней — дорогой непролазной в брошенную деревню, тупиковый край, где воселились несколько пришедших из Москвы и Кирова семей, из коих в наличии только одна: Язычник с двумя женами, бывшей и новой, звать Любому-дра, и двумя сынами 21 и 28 лет.

Шофер, добросивший сюда «УАЗ» по волнам грязи аки посуху, тоже остался поглядеть, как спектакль, местный паноптикум.

— Здравствуйте! Вы имярек? Корреспондент такой-то.

— А что за пресса?

— В каком смысле?
— Патриотическая или жидомасонская?

— Я — русский.

Завязался разговор. Жиды, жи-ды, жида. «Тельавидение», «дерьмократы», «проклетарии»; поскольку ни в какой из домов (их два: старая жена с детьми — и сам с Любомудрой) не зовут, открываю блокнот: «Чем занимается община?» — «Возвращением к истокам».

— А почему здесь именно?»

— Здесь жили вятичи, то есть вятские, ведские, знающие люди, отсюда — ведьмы, индийские веды — тоже отсюда. А кривичи — кровь, прчва. Наша идея — объединение русских на основе крови и почвы.

Вятичи, одно из самых известных, летописно в том числе, племен, жили в районе Москвы и Калуги, здесь — просто совпадение звучаний — никогда. Но с первых слов в речах Язычника мускулирует такая — он потом ее назвал «мистической» — правота, перед которой мелочная правда факта — нонсенс, пропаганда «тельавидения». Заметно дружно ею же, правотой то есть, а не правдой факта заряжены и вторящие папе дети.

— В Москве, Ленинграде — пена, настоящих русских нет. Кто сами не жида, у тех жены жидовки... В 17-м году был не пролетарский, а жидовский переворот. Жида оседлала русское национальное стремление:

советы — вече — нестяжательство. Белые защищали бар, которые порусски не говорили, красные — жи-дов. Партия — централизованная организация, через которую международное жидовство преследовало свои далеко идущие цели... Христианство — их троянский конь, приманка, на которую клонили северные народы. Русь лишилась отечества, был культ предков на земле, стал отче наш — на небесах, подружили родовую честь, ввергли сначала в татарское иго, потом в жидовство... Чернобыльская авария, поворот рек — спланированные акции сионизма...

Он малость подвыдыхается, беру слово я:

— Вы только извините ради Бога, у нас, русских, уж в крови: ради красного словца не пожалеешь и отца. Это никак к вам не относится, просто я вспомнил анекдот: капитан на мостике: «Что справа по курсу, боцман?» — «Шестивесельная шлюпка, сэр!» — «Что слева по курсу?» — «Шестивесельная шлюпка, сэр!» — «Что прямо по курсу?» — «Шестивесельная шлюпка, сэр!» — «Боцман! Вы были вчера на берегу?» — «Да, сэр!» — «Так снимите ж насекомое с подозрительной трубы!»

Первым хохочет и разворачивается к машине уж и так лишка застоявшийся шофер, за ним — невольно — дети и следом — одна, го-

ворят, кобыла всех заманила — и сам отец.

Но после этого он удаляется к себе — заладить что-то к столу, а мы с сынами пускаемся в обход их надворного хозяйства. Ходить недолго, из копытной живности пять коз, да огород, да серьезное, типа вятского происхождения индийских вед: «Раньше крестьяне мяса не ели» — явно вопреки с отчим: «Лес — моя столовая. У каждой травки попроси прощения, потом сорви». Да и все прочее — тот же переключ: «Куда приятнее встречать восход солнца здесь, чем участвовать в бесовской жизни города...» Возможно, и приятно, когда, как потом проговорилась Любомудра, «мать навезет им шпротов»; народ приговорил крепче: «Ничего не робят — вот и не жрут». Но может ли вообще жизненная нега быть профессией, способом существования?

Сами по себе эти нежности к природе (после ее «санитарной» чистки от жидов) звучат, как и звучали от Вергилия, неплохо: «Духовность — не ходить в театр, а благочестивое отношение к земле... Священный трепет перед непознаваемым; главное — не вредить; человек в потугах сделать лучше только губит... Сила солнца... Пантеизм — бессмертие живого на земле...» Да что может быть чище, прекрасней — воссесть на «кленовом престоле» (Горький), погрузившись в nirvanу полной гармонии с миром, как птицы, как цветы? Но ведь и прекрасен, до осуществления, райский посул коммунистов — бывший богов, даже если счесть его только приманкой в капкане сионистов. Прекрасна и программа Жириновского: дать всем всего — и счастье! Но кто, словами Любомудры, «навезет шпротов»?

Потом, разговаривая пооткровенней, я спросил Язычника: а на что, собственно, вы все живете, покупаете дома? На что думаете жить, платить те же налоги?

— Сейчас время мистическое. Завтра или я буду висеть на фонаре, или сам те налоги собирать.

Лишь-лишь выпростили шею из-под одной попытки топорной справедливости и рая на земле — обратило к Перуну, как к топору! Нет, я спокоен за Сергея и Ивана, фермеров: не клонут; путь пришлых из столицы деток-шпротоедов ряженного в галифе отца — не их. И если говорить о нежном духе пантеизма, с античности, с «Трудов и дней», с родного русского фольклора поэтика природного неотторжимо от поэтики труда, нельзя «как москвичи», «как птицы»; сказано: добывая хлеб в поту — или, если ты печенег, в седле войны; и все пути направленную в рай кончаются ужасно...

Но я не сказал впопыхах, что при первой встрече присутствовало еще одно, слегка чужащее лицо — ходоко-шабашник с ближней деревни, тоже

Рисунок Игоря Шешни

клявшийся не видимых нигде окрест жидов, от которых жизни нет. «Вот настоящий русский», — отрекомендовал Язычник. И вот же мистика: назавтра чуть не спотыкаясь об него, тяжело дрыгнувшего на выходе из азербайджанского трактира. Да, это ли жизнь! Но у какого обезволившего посетителя вечной ости: трактир — ментовская часть — трактир — станет духу указать на главного (не исключая и других) виновника — себя, когда так зажигательно звучит: «Евреи, азербайджанцы, татары, марсиане виноваты!»

И, заключая о сынах, еще. Насколько легким было чувство после недолгого общения с молодыми фермерами, хотя невысказанное — бездна, да как это сбиравшееся чаение столбых русских поколений вместились с ходу, без навыка, в прямую речь! — настолько же смутным, за них, после тех, куда более речистых сверстников-антисемитов. Опять же, в поле их духовного и физического отца. Тот, человек сидевший, «политический», знает хоть, на что идет. «Имперские интересы выше жизни. Жизнь — тыфу. Никто из нас не бессмертен, главное — умереть с мечом в руке. Сталин восстановил империю, которую чуть не просрал проститутка-Ленин, хотя цена была страшной». (Смешно, что сам Сталин в начале войны выразился как раз в обратном смысле.) Но малые, здоровые красавцы, полные еще природным соком, с неотцветшим юношеским пушком, старший вовсе затевает свадьбу с местной, — явно чают жить, искренней губкой впитывая жертвенную философию отца, где «почва — кровь», «жизнь — тыфу», как философию устройства жизни, а не смерти. Чуют ли коварное противоречие? Не знаю, но думаю, что обращенный в жизнь и труд плевков догмата еще отплатит этой паре малых сих.

Но перейдем к уже заладившему угощению отцу. Курьез, но секте русских «патриотов» как-то, помоему, ужасно не везет на внешность. Где эти узнаваемые по богатырям, русским ваям, аленушкам, царевнам-несмеянам (или опять — жидомасоны рисовали?) характерные, простой красоты, славянские черты? У тех, что мечутся сегодня на виду, вызывая к новой сечи на плошадки, с этим явно лажа. Язычник — усиками, лбом, глазами, мимикой — вылитый кумир его же собственных признаний, одиозный генерал. («Здоровые силы армии, КГБ, ОМОНа исполнят свою священную обязанность».)

А вот и само угощение — сеченая крапива, одуванчик и другая зелень... И вот, пожевывая травку, против которой, собственно, ничего нет, мы заглубляем до самого, не к ночи будь, кровавого упырьства разговор.

Политическая судьба фанариста началась в 1958 году посадкой по 58-й статье — «враг народа». Ребяческое: целился из мелкашки в портрет Ленина да участвовал в студенческой бузе по поводу событий в Венгрии. В заключении узнал «всю правду о революции», о власовцах, о «советской власти без жидов и коммунистов», о том, что «священный долг всякого противодействовать дьявольскому строю». На этой почве связался с НТС, который, кстати, теперь давно переродился: «Был Национально-трудовой союз, стал народный, что за народ — одни инородцы...»

Сел и за эту связь, всего сидел четырежды. «Глеб Якунин — бывший друг, Григоренко, Буковский, Гинзбург — были у меня на побегушках». Однако срока все схватывал какие-то усеченные — по 2–3 года, впрочем, не скрывает сам, что главным прозрением в жизни обязан как раз тем своим мучителям, хотевшим даже устроить ему «вечную койку» — самая страшная для политических кара психушкой, хоть и пели:

Наша жопа, как резина,

Не боится сульфазина.

Но, значит, «здоровые силы КГБ давали на допросах понять, что я ввязался в жидовскую авантюру против родины. За свободу? Кому? Жидам?» И органы родили «патриота». То есть:

— С Соломона у жидов своя организация. Бильдербергский клуб в Голландии — штаб-квартира международного жидовства. Никсон, Картер, Форд, Бжезинский — в ней только пешки. Кто глава — неизвестно, держат в страшной тайне...

— Откуда же известно, что все это есть?

— Вычисляется гипотетически. Америка — исторический враг России, вотчина Израиля. Осташвили — ритуальная казнь, жертвоприношение Иегове по приговору тайного судилища. Уличающих данных нет, но видно по способу убийства: по каблистическому учению кровь таких жертв обладает особой силой, дает мистическую власть над людьми... Жиды — не люди. Одна четвертая жидовской крови у Ленина сыграла роковую роль для русского народа. Дзержинский — ни одной капли. Сталин — фигура мистическая, о нем нельзя говорить плоско, как и о Гитлере. Нам, людям земным, их трудно понять. С Гитлером согласен целиком. Дай Бог, чтоб у нас был такой Гитлер. Ему надо было со Сталиным перекроить карту — жиды столкнули лбами, спровоцировали войну...

— И сами себе — газовые камеры?

— Никаких камер не было. Их потом настроили нарочно американцы, чтоб скомпрометировать фашизм. Сталин с уважением относился к русской нации, жидов не было в советниках...

— И перехлопал миллионы...
— Роковая ошибка, подстроенная жидами. Слишком поздно прозрел — за это его жиды и отравили.
— А в чем было прозрение?
— Дело врачей, подготовка высылки евреев...

«Указ Президента СССР (проект).

Учитывая постоянное грубое попрание Конституции СССР, предусматривающей недопустимость преимущества по национальным признакам, особенно со стороны лиц еврейской национальности, численность которых по отношению ко всему населению страны составляет 0,69 процента, в то время как в ряде жизненно важных сфер они занимают до 80–90 процентов мест, что обуславливает возникновение кризисных явлений и напряженности во всех сферах нашего общества, Постановляю:

— В трехмесячный срок ликвидировать диспропорцию путем организованного перемещения сверхнормативных лиц еврейской национальности в другие сферы жизнедеятельности или способствования их эмиграции.

«...» ... 1991 года. Президент Михаил Горбачев».

— А если не подпишет?

— Есть силы, которые предотвратят уничтожение русской нации. Россия непредсказуема, но Генерал, единственный, кто заявил о принадлежности к русскому народу, установит справедливость. Жиды сильны интеллектом. А мы просто душем. Русская душа на другое направлена, она иррациональна. Славяне уповают на авось, доверчивы, поэтому им нужна военная дисциплина. Горбачев зависит от армии. ОМОН — части, которые сослужат еще службу. Показали ему в Прибалтике...

— Какие же гарантии, что Генерал, став диктатором, не скурвится, не облапошится, как Сталин с Гитлером, не постреляет простодушных и доверчивых?

— Надо стремиться только к предельному. Да, честный, порядочный человек не мог дослужиться в армии даже до сержанта: или дурак, или коммунист, или подлец, или проходимец — по себе знаю. Но Генерал близок мне мистически. Патриоты России не дадут повернуть оружие против русских.

— А как определять евреев для перемещений, есть уже методика? Говорят, они проникли даже в «Память»?

— Лидер, замаранный хоть на каплю, газовая камера. Но люди этой крови сами уедут, не смогут существовать в русской атмосфере. Силу применим только к тем, кто не оставит места добровольно. Определить легко. Или соседи, или сослуживцы что-то знают. У КГБ есть архивы, есть осведомители.

— Но смешение кровей великое. Откуда начинать считать евреем: если, допустим, только сотая крови...

— Газовая камера. Чистка России необходима — предотвращение нового глобального Чернобыля...

Да, нечего сказать, хорошенький реактор пышет уже в отчаянной груди! («Каждое утро, чтоб получить заряд бодрости, слушаю по радио жидовствующую «Свободу».) Нет смысла спорить с ним по фактам отдельных бросающихся или не бросающихся в глаза логических противоречий схемы, даже прямой лжи. Как у всякого фаната веры, в запасе на тот случай неоспоримый «мистический» аргумент, заявленный еще христианским богословом Тертуллианом: «Верую, потому что абсурдно».

Но задумавшись о месте и роли абсурдного в наши дни. Тот же набелевший Карабах, кровопролития в Тбилиси, Душанбе, Узбекистане, Прибалтике, безымянные комитеты спасения, повелевающие армией, какие-то ненайденные списки, непойманные боевики, неопознанная бронетехника и вертолеты, святая простота министров, не ведающих, что творят их рати, официозы по программе «Время» о чудодейственных мощах и вещих предсказаниях святых, астрологи, забившие телепрограммы, — все создает впечатление какого-то впрямь ловко организованного абсурда, эдакой премедикации, перед тем как окончательно на замороченных глазах открыть кингстон и всех спасти посредством боевого сапога.

Освободилась скованная прыть, по всей стране прет что-то как грибы после дождя, как лес: кто, в общем духе, строит свой «тихий дом», кто — частные коровники и непривычные для глаз хоромы... Растет и топорище... Один мудрец (сионский, разумеется) давно сказал на чье-то сетование, что некие прохвосты так зарядились в радостей державы, что не отличить: «Проворуются!» И вот накаркал же! Язычники, жуя свой одуванчик и кляня жидовскую культуру с Запада («единственное искусство чисто русских — скомо-рохи»), стянули из чужой пустыющей избу по соседству фисгармонию. Инструмент сам — тьфу, не поет, не дышит, чистый антиквариат, я видел его в милиции. Суть в другом: надо бы дернуть, чешется, хоть что-то, хоть у кого — пока не грянула лафа вселенской дани! Пока не храпанули пушки, кроша людское мясо, как траву, по той дряни, что, расплодась на грязном теле, может напозлти на окуляр.

Снимите ж насекомое с трубы!

«Я решила обратиться к вам по-советски»

Газета «Тбилиси» опубликовала заметку: «Маленькая реплика Дмитрию Леонову»

Я призадумалась было, как к вам обращаться: тон вашего письма и цель его написания, так явно проглядывающаяся в подтексте, заставили меня отказаться от уважительного обращения. И я решила обратиться по-советски.

Товарищ Дмитрий! Должна сообщить вам, что ваше письмо (статья. — Ред.), опубликованное в журнале «Новое время» № 23/91, ничего не прибавило ни к авторитету вверенной вам комиссии общества «Мемориал», ни к вашему.

Мы, грузины, лучше знаем свое дело и своего Президента (этого почему-то не желают понять наши «старшие братья»). И что это за московский товарищ, и с каким таким тбилисским товарищем, и зачем ошивается у резиденции правительства Грузии — этого объяснять нам не надо. А если вы, хоть и ужасно умудренный вашими «тбилисскими» и московскими товарищами, все-таки попали в плен обаяния Президента, в этом, поверьте, виновата не «грузинская черная магия». Просто мужественному, хорошему грузину присуще обаяние!

Товарищ Дмитрий! Не будь вы такой храбрый, не подпиши вы своей статьи и не укажи своего ведомства, грузины приписали бы эту статью другому человеку (из-за 100-процентного совпадения мыслей и выражений).

Вам «прекрасно» разъяснили грузинскую действительность, представив всю Грузию гнездилищем невежества, а нашу нацию — одержимой магической истерией, совершенно ослепленной толпой. И что же тогда удивляться, если эти невежды — фанатики, толпа, влюбленная в диктатора и диктатуру, поставили себе министром культуры (наверное, про себя вы думаете: какая у них может быть культура?) какого-то раба, гнувшего спину ради карьеры, и вместе с ним трепыхаются в «колдовских» когтях нашего Президента (по вашему разумению, наверное, творца грузинской черной магии)?

Стыдитесь, представитель наших «старших братьев»! Если вы претендуете защищать права человека, почему вы не думаете о правах грузинской нации и ее Президента? В самом деле, по какому праву вы попираете наше национальное достоинство?! Впредь вам не мешало бы знать, что наш министр культуры — замечательный писатель и гуманист!

Теперь о двух фамилиях, упоминаемых в вашем пасквиле. Хочу вас утешить: с Джабой Иоселиани органы правосудия разберутся. Как бы ни были они «некомпетентны», они не смогут обвинить вашего многоуважаемого Джабу в большем, чем он сам себя уже обвинил, заявив, что был четыре раза осужден за воровство!

Что касается Валерьяна Ададзе, также попавшего в ареал вашего благосклонного взгляда, то надо вспомнить, что во время многопартийных выборов 28 октября его союз «согласия» не провел в парламент ни одного депутата, не смог набрать и 4 процентов голосов. Грузией тогда правили

партийные товарищи, чьей поддержкой воистину не был обделен попавший под ваше покровительство батона Валерьян.

Интересно, на кого и на что рассчитывал батона Валерьян, приняв участие в президентских выборах спустя шесть месяцев после своего полного поражения? Как мы догадались, хоть мы и толпа, и как определил ваш глубоко аналитический ум, он, то есть господин Ададзе, был весьма желательным кандидатом именно для московских товарищей, которые, в отличие от нас, не испытывали недостатка в счастье непосредственно лицезреть его и встречаться с ним: В.Ададзе — депутат Верховного Совета СССР и почти постоянно пребывает в Москве.

Товарищ Дмитрий! Ваш пасквиль, который вы сочинили явно для ублажения кого-то другого, не заслуживает ответа, и поэтому я не стану утомлять читателей его «разбором», но одно все-таки сказать хочу. Именно из-за таких, как вы, «доброжелателей» мы, грузины, не могли оставаться в «братской» советской семье! А вы своими злобными писаниями еще больше укрепляете нас в этом решении!

Товарищ Леонов! Вы так хорошо владеете техникой проникновения в кабинеты «руководящих» товарищей, что, без сомнения, потратили на освоение этих «приемов» не год и не два. Но, как видно, вам придется еще поупражняться, чтобы впрямь не попадать под влияние нежелательных для вас личностей.

А теперь я хотела бы сказать пару слов редактору «Нового времени». Господин редактор! Как бы вам понравилось, если бы какой-нибудь грузинский правозащитник состряпал пасквиль на недавно избранного Президента Российской Федерации? Неужели вы бы обрадовались и напечатали? Или на него бы напечатали, а на Президента СССР — нет?

Нанули Боцвадзе

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Несколько веков жили на Руси представители баронско-графского рода Корфов. Вышли они из Вестфалии, служили и при разных европейских дворах, но осели главным образом в России. Новой своей родине дали они немало людей известных — и по военной, и по статской службе. Были среди Корфов и дипломаты, и генералы, были ученые и общественные деятели. В нынешних наших биографических словарях и справочниках, однако, лишь один удостоился упоминания — Модест Андреевич Корф, ровесник и царскосельский соученик Пушкина, сотрудник Сперанского, историк и публицист. Не обнаружить в сов-

ременных энциклопедиях Николая Александровича Корфа, известного русского педагога. Время выветрило с их страниц имена других носителей этой фамилии.

Не повезло в этом смысле и Сергею Александровичу Корфу, автору очерка, написанного в начале 20-х годов, который с небольшими сокращениями мы публикуем сегодня. Был он ученым, историком и юристом, профессором Гельсингфорского университета, где держал кафедры российского и сравнительного права. Сохранились сведения о том, что был он великолепным лектором, в совершенстве владевшим мастерством преподавания. А вот рукописное его наследие относительно невелико. Но мыслителем он был весьма оригинальным, и главное — давно обратившим внимание на проблему, кото-

рая иным его современникам казалась не столь важной. И вот только сейчас мы начинаем понимать всю ее значимость. Это проблема федерализма. Если говорить современным языком (с учетом нынешних вопросов устройства страны) — это проблема союза, содружества, перераспределения суверенитетов. Обреченность империи Сергея Корф видел уже в начале века — и приступил к изучению проблем федерализма. Сначала обратился к зарубежному опыту (к чему его и подтолкнули размышления о судьбе отечества), а затем перешел к размышлениям о будущем устройстве федерального или конфедеративного союза на территории бывшей империи.

Опыт своих раздумий он обобщил в работах, увидевших свет уже за рубежом. Судьба

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

провела его по многим «столицам российской эмиграции», пока он не оказался в США, где в конце 20-х годов короткое время читал лекции, затем тяжело заболел и скончался почти в полной безвестности. Ни даты, ни места его смерти мы не знаем.

Публикацию статьи С. Корфа по текстам парижских «Современных записок» подготовил А. Едемский.

Возможна ли в России федерация?

С. А. Корф (1876 — ?)

Вопрос Российской Федерации и по сие время еще для большинства окутан каким-то непроницаемым туманом, а многих просто страшит... Первой задачей для русских должно быть устранение чувства озлобления и обеспечение себе господства логики, расчетливого предвидения будущего.

Для нас лично никогда не было ни малейшего сомнения в том, что некоторая федеральная форма вполне возможна и приемлема для будущей России; чудесное же процветание федерального начала в стольких государствах является вернейшей порукой его благотельного значения и для нашей возрожденной родины. Думается, теперь стало уже общим местом, что одною из печальнейших страниц нашего царского прошлого была глупая, близорукая и злая политика правительства именно в национальном вопросе. Начиная с середины XIX века в империи повсеместно стало пробуждаться национальное самосознание народностей, живших тихо и спокойно под сенью могущественной России; но, вместо того чтобы идти навстречу этому пробуждению, способствуя ему и одновременно создавая прочные связи с центральным государством, правительство развило безумную политику разнообразных притеснений, причем благодаря неопытности и отсутствию мужества у него никогда не было продуманной программы; вследствие этого притеснения принимали форму совершенно бесполезных булавочных уколов... К концу столетия, когда уже на многих окраинах явно пробудилось национальное самосознание, Петербург взял твердо курс на националистическую реакцию: вспомним преследования немцев, финляндцев, украинцев и др. Вместо того чтобы расти в дружбе, в сознании

того, что «малым» должны приходить лишь защита и помощь от «большого», создавалось как раз обратное чувство неприязни и полного недоверия, причем царское правительство легко отождествлялось со всем русским народом, не имевшим никакого отношения и в большинстве случаев даже не сознававшим русификаторского значения политики правительства. Малые народности, таким образом, приучались смотреть на Россию лишь как на источник притеснения, причем чувство это проникало в самую толщу угнетаемых масс. Вследствие того, что происходило это как раз в тот период, когда слагалось их собственное самосознание, неприязнь к русским пускала очень глубокие корни в подсознательную область их мирозерцания...

Немудрено, что... окраинные народности стали (после революции) требовать полной самостоятельности в обидных для русского национального государства формах, а русские начали их ненавидеть за то, что они пользуются русским национальным несчастьем, чтобы урвать свой кусок.

Территориальное распределение народностей в бывшей империи очень выгодно России; все народности живут по окраинам; для России не существует вследствие этого столь трудно разрешимый вопрос о национальных «островах», как, например, в Венгрии или Румынии. Зато для нас имеется более сложная проблема разнообразия национальных требований различных народностей; то, что хорошо для Эстонии, может быть совершенно не подходяще для Грузии, и наоборот; степень культуры, государственного развития, силы и значения чисто русских интересов весьма различны на различных окраинах. Благодаря этому исторические примеры Соединенных Штатов Северной Америки или Германии для нас вовсе не подходящи и не приемлемы. Это,

пожалуй, наиболее верный принцип будущей русской федерации: она не может быть унитарного, американского типа, в котором все части равны. Образцом может быть скорее Великобританская империя, составленная именно из разнообразных и неравноправных частей.

Единственной, но ужасной альтернативой русской федерации нам, таким образом, представляется новое завоевание, насильственное продвижение великорусского центра... Русской стороне, в случае восстановления «единства» государственности (какой-либо империи), т.е. завоевания, нечего надеяться на мир; завоеванные народности добровольно не подчинятся русской власти: они будут рассматривать ее как врага-притеснителя, противодействуя ей всеми своими силами.

Далее, основой всякой федерации является равнодействующая между центробежными и центростремительными силами. *Центробежные* силы нашей бывшей империи довольно легко определить; они сводятся, как описано было выше, к внешней неприязни, равно к исторически выросшему на почве притеснений со стороны царского правительства и иностранной пропаганды стремлению обеспечения своих собственных культурно-национальных идеалов, своего собственного национального развития; политические мотивы, на наше счастье, играли до последнего времени второстепенную роль и подогреты были совершенно исключительной обстановкой большевистского режима...

В характере *центростремительных* сил... постараемся разобраться. Такие силы могут быть социальные (национальные), политические и экономические. Социально-национальные силы играют в нашем случае меньшую роль; развитие русского народа было вполне самодовлеющим; он рос изнутри; русское государство начиная с XV века как бы распырало изнутри; неудержимо шло это развитие, как лавина, медленно, но безостановочно, продвигая русский центр, великорусское ядро к морям Балтийскому, Белому, Черному и Каспийскому, равно к Тихому океану. Временами процесс этот останавливался, задерживался, но только чтобы позднее с новой силой возрождаться...

Обобщая... можно сказать, что центру нужны: свободный выход к морям, свободный экономический обмен с внешним миром, хорошо защищенные государственные границы, свобода национальной обороны и такая структура международных сношений, которая охраняла бы центр от возможного эксплуатирования другими державами окружающих его соседних народностей. Всякие другие интересы центра сводятся лишь к дальнейшему развитию только что указанных. С другой стороны, существо интересов окраинных народностей сводится к вопросу национального самоопределения, к правоохраненной возможности свободного развития и упрочения своих собственных национальных самосознания и культуры. Если таковые могут быть прочно обеспечены, то народностям может быть лишь выгодной та или другая форма федерирования своего государственного строя с великорусским центром; одним им никогда не выдержать современной тяжелой борьбы за существование. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев их экономические интересы и без того сами по себе тянут к России; им неизменно нужны либо русский рынок, либо русское сырье; да и помощь русского капитала в будущем будет играть большую роль.

Русские интересы могут быть защищены и гарантированы также лишь при существовании дружеских отношений с соседними народностями; возьмем для примера хотя бы национальную оборону; как бы ни обеспечивать границы, какие бы ни строить крепости или за-

ключать договоры с окраинными народностями, если последние будут нам неприязненны, враги всегда сумеют их эксплуатировать и будут ими пользоваться нам во вред; их территории так расположены, что могут всегда служить прекрасными базами для развертывания неприятельских армий... Об экономических интересах и говорить нечего, они вовсе не могут развиваться, если Россия не сумеет приобрести дружбы соседей.

Присматриваясь ближе к положению, занимаемому указанными народностями, расположенными на периферии русского государства, можно сразу же заметить великое разнообразие их внутреннего культурного и политического развития... В этом отношении можно установить известную шкалу или градацию, конечно, примерную; на практике в будущем... При заключении федеративного соглашения с Балтийской группой или Грузией (например) придется точно определить и перечислить русские интересы и выработать, таким образом, интересы общегосударственные, федеральные, в

отличие от интересов местных обеих договаривающихся сторон; сюда войдут, примерно, не только вопросы обороны, внешней политики, торговых сношений и промышленности, но и интересы финансовые, денежного обращения, почты, путей сообщений и в особенности железных дорог. Раз

будут определены федеральные интересы, необходимо будет создать и специальные федеральные органы, в отличие от государственных органов обеих договаривающихся сторон. По отношению к Сибири или Казачьим войскам следует сказать, что национальные обособления (если таковое вообще существует!) еще менее выпукло, хотя и названным единицам желательна крупная доля самостоятельности в заведовании их собственными, местными и внутренними, делами. Кому придет в голову препятствовать этому? Пускай себе управляют своими собственными делами во славу России и во имя общей дружбы и согласия.

Одним из наиболее сложных вопросов в истории всех федеративных движений всегда был вопрос финансовый, т.е. вопрос о том, как организовать систему федеральных финансов и как распределить государственные долги и повинности между составными частями и самой федерацией. Для нас, конечно, это также одна из наиболее трудноразрешимых проблем; заметим, однако, тут же, что еще *значительно труднее* будет ее разрешить в случае окончательного государственного отделения частей бывшей империи. Действительно, допустим на минуту, что Эстония или Грузия, Латвия или Литва останутся впредь совершенно независимыми от России государственными единицами; в таком случае сейчас же возникают два кардинальных вопроса: 1) какая часть бывшего имперского государственного долга падет на такую отделившуюся единицу и 2) каков размер возмещения России ее бывшего государственного имущества, переходящего за отделением в распоряжение отделившейся единицы? Оба вопроса чреватые неожиданными последствиями; так, если рассчитать распределение государственного долга согласно численности населения (это *единственно* возможное мерило, приемлемое для обеих сторон), на отделившиеся единицы падет такой огромный государственный долг, что молодому отделившемуся государству никогда с ним не справиться, в особенности если принять во внимание современное местное разорение окраинных провинций, их малые экономические ресурсы... Другими словами, как бы мы ни распределяли государственный долг и финансовое наследие бывшей империи между отделившимися государственными новообразованиями, та часть, которая будет полагаться последним, будет для них нестерпимо велика и с самого начала их государственной жизни будет их обременять смертельною тяжестью,

препятствуя их будущему экономическому развитию. Само собою понятно, что Великолукский центр, с другой стороны, никогда не будет в состоянии (да и не будет иметь права перед своим собственным народом) освободить отделившиеся части от этого ужасного бремени; только абсолютно беспринципные большевики могли соглашаться на комбинации, подобные их мирным договорам с Эстонией или Латвией, где они просто-напросто откупались ценой краденого ими золота.

Если же предполагать будущее федеральное объединение России, только что указанный фатальный вопрос разрешим сравнительно легче, так как в таком случае прежний государственный долг можно будет в целости перенести на федерацию и вопрос о распределении будет, таким образом, касаться лишь порядка и способов выплаты процентов, погашений и т.д., что несравненно менее трудно и может быть проведено в формах, не обременительных для федерированных государств...

Что же касается второго из намеченных выше вопросов, о возмещении России ее государственного имущества, то таковой также может быть сравнительно легко разрешен при создании федерации и, наоборот, очень трудно разрешим при полном обособлении частей. В первом случае право собственности на государственное имущество переходит непосредственно федерации; «отцам конституции» останется лишь решить, как будут пользоваться этим имуществом федерированные части. Во втором же на последнее падет еще новое и притом также очень тяжелое бремя возмещения России всех многочисленных видов государственного имущества, которые ныне попали в руки отдельных народностей... Сумма ценности всех этих видов государственного имущества очень велика; у Великолукского центра не будет никаких оснований от таковых отказаться, передав их в дар отделившимся единицам. И здесь простейшим их разрешением представляется вхождение данных народностей во Всероссийскую федерацию...

Обратимся теперь к государственному строю подобной, довольно разношерстной федерации. Каждая из ее составных частей, с включением, конечно, самого Великолукского центра, может организовать свой местный строй, сообразно местным требованиям... Распределение компетенций между частями и федеральным целым должно быть согласовано со следующим общим принципом: все то, что ясно не передано федерации и не причислено к компетенции федеральных органов, подпадает неизменно компетенции составных частей...

Федеральный строй предполагает следующие центральные, федеральные органы: а) главу государства, причем избирательные закон и порядок должны быть тождественны для всех составных частей федерации; б) федеральные законодательные органы, причем нижняя палата должна избираться также всенародно, тогда как верхняя должна представлять собою отдельные составные части, на начале равноправия; в данном случае имеется столько исторических примеров и прекрасно разработанных систем, что нетрудно будет сделать выбор подходящей системы; в) не представит затруднения создать также систему федеральных судов, ведению коих будут подлежать все судебные споры касательно общих федеральных интересов, касательно конфликтов между составными частями федерации, равно относительно толкования федеральной конституции (последняя функция особенно существенна); г) наибольшие затруднения вызывает всегда конструкция федеральной административной власти. Глава федерации должен управлять посредством парламентарно-ответственного (перед федер. парламентом) министерства, но компетенция федеральных министерств будет

весьма различна, в зависимости от вышеуказанного принципа неравномерного распределения участия составных частей; некоторые министерства, например, будут функционировать в пределах всей федерации (военное, морское, иностранных дел), другие, наоборот, только в известных частях таковой (например, путей сообщений, торговли и др.); компетенцию этих органов и ведомств можно будет, следовательно, определить лишь после того, как заключены будут федеративные соглашения и точно известно будет, какая доля самостоятельности уделяется каждой из составных частей федерации.

Наконец, наиболее трудным и вероятно наиболее спорным будет вопрос об определении взаимоотношений местных и федеральной исполнительных властей... Здесь серьезные конфликты интересов будут неизбежны, и потребуются с обеих сторон много такта и дальновидности для их разрешения. Мне представляется наиболее желательным, чтобы во всех частях федерации имелись парламентские министерства, а главы составных частей находились бы, в свою очередь, в тесной связи с федеральным центром; этим обеспечивались бы интересы обеих сторон... (А) у составных частей могли бы быть свои собственные агенты при федеральном правительстве...

Каким образом возможно создание Российской федерации?

Следующие принципы совершенно очевидны в этом отношении: 1) никакая федерация не может быть установлена силой, против воли будущих ее составных частей; 2) альтернативой ее установления, мы выше указывали, может быть только завоевание окраин, новый кровавый социальный процесс «распирания» великорусской народности изнутри, неудержимого ничем продвижения ее к открытым морям; одна инерция живущих посредине ста миллионов в этом случае достаточна; и ее не удержать никакими искусственными преградами... 3) остается, стало быть, один третий путь — мирного, дружественного соглашения между центром и окраинами. Если принять такой исход как единственно правильный, то ясно, что базы будущей федерации могут быть выработаны лишь посредством определенных соглашений центра с окраинами, ввиду чрезвычайного разнообразия национальных требований (культурных, политических, экономических, социальных) отдельных народностей. При выработке таких соглашений должно, конечно, иметь в виду некоторую общность институтов и принципов, но подробности федерального строя можно будет установить только после заключения ряда вышеуказанных соглашений. Конечно, не требуется заключения сразу соглашений со всеми будущими частями; можно достигнуть соглашения с некоторой группой, которая составит первоначальный центр; прочим народностям будет предоставлена затем возможность позднейшего присоединения, хотя совершенно очевидно, что такое последующее присоединение всегда будет менее выгодно, так как этим будет устранено участие данной народности в выработке основных принципов; они должны будут приниматься привстающими частями уже в готовом виде; 4) во всех случаях прочное соглашение может быть достигнуто лишь при условии народной санкции, народного голосования. Таковы основы возможной будущей Российской федерации... Такая федерация... возможна, желательна и необходима. Альтернатива кажется нам слишком ужасной, федеративное же объединение народностей бывшей империи составит прекрасную базу для дальнейшего развития как самой русской культуры, так и национального самосознания объединенных народностей.

Матери плененных: кто поможет?

Народный комитет за освобождение советских военнопленных в Афганистане «Надежда» обратился в американскую правозащитную организацию «Дом свободы» с просьбой принять делегацию матерей. Может быть, в Соединенных Штатах с большим пониманием отнесутся к беде матерей? Публикуем ответ «Дома свободы»

**«Председателю
НК «Надежда»
Евгении Поплавской**

Я понимаю желание матерей военнопленных приехать сюда, чтобы хоть что-то узнать о судьбе своих сыновей. Столько лет вы находитесь в полном неведении и без поддержки дома. Я много думала над вашим письмом и вот что хочу вам ответить.

Главная цель нашего проекта — освободить всех оставшихся в Афганистане советских плененных и узнать о судьбе тех, кто пропал без вести. Приблизит ли нас к этой цели приезд в США делегации матерей? Три года назад, когда США принимали более активное участие в событиях в Афганистане, это действительно могло дать положительные результаты, но сейчас, мне кажется, поездка будет бесполезной.

Конечно, люди в Америке отнесутся с пониманием к матерям, потерявшим своих детей, но едва ли эта миссия поможет кого-либо освободить.

Вы пишете, что хотите использовать «этот канал», имея в виду Америку, но мне кажется, что теперь все зависит от вашего собственного правительства. В Кремле, а не в Белом доме сейчас сосредоточена реальная сила, которая может добиться положительных результатов.

Каждый раз, когда мы говорим моджахедам об освобождении советских плененных, они отвечают: этот вопрос окончательно решится лишь в том случае, если прекратятся все военные действия; освобождение военнопленных — лишь одна из многих политических проблем, которые должны быть решены в комплексе.

По данным правительства

Соединенных Штатов, в 1990 году военные поставки Советского Союза режиму Наджибуллы составили 3,4 миллиарда долларов. То есть примерно 300 миллионов долларов в месяц. Кроме этого была оказана экономическая помощь в размере 700 миллионов долларов (в основном поставки продуктов и горючего). Ожидается, что в 1991 году поставки Советского Союза останутся на том же уровне.

Соединенные Штаты продолжают оказывать поддержку афганскому сопротивлению, но в процентном соотношении это незначительная часть советских поставок. А в мае этого года администрация Буша объявила, что не намерена даже включать в бюджет США фонды для помощи моджахедам.

Недавно вышел доклад американского сената, где указано, что с января 1989 года по март 1991 года кабульский режим выпустил на афганское население 1548 ракет типа СКАД, поставляемых Советским Союзом. Только за три первых месяца этого года были выпущены 44 ракеты СКАД, 35 из них (с 17 по 31 марта) — при обстреле района Хоста.

Мы все были свидетелями войны в Персидском заливе, в которой Ирак выпустил 58 ракет СКАД. Несмотря на то что по мощности они в четыре раза уступали тем, что падают

на Афганистан, мир пришел в ужас от жестокости иракского правительства.

Обстрел Афганистана СКАДами и постоянные бомбежки продолжаются, хотя советские войска были выведены два года тому назад. Разумеется, афганское сопротивление отвечает огнем, и это тоже приводит к жертвам. Война продолжается, и, хотя Америка несет за нее ответственность, главная вина лежит на плечах Советского Союза как на поставщике огромного количества тяжелого оружия. И пока эти поставки будут продолжаться, советские солдаты будут сидеть в плену.

Теперь вы, должно быть, понимаете, почему я предложила вам направить все усилия на то, чтобы изменить позицию собственного правительства. Я знаю, какая это кропотливая, требующая большой энергии и времени работа.

Восемь лет, начиная с ноября 1980 года, я, стараясь повлиять на свое правительство, писала бесконечные письма сенаторам, конгрессменам и в Белый дом. Это была настоящая борьба, в которой мне помогали многие. Самое большое участие в ней приняли сенатор Хэмфри и президент Рейган, который в январе 1988 года лично принял этого сенатора и меня. Во время встречи мы вручили президенту список 18 советских военнопленных. И вскоре благодаря личному вмешательству Рейгана семь из них были освобождены и прибыли в США. Ну и, конечно, мои четыре поездки в Пакистан и Афганистан, где я встречалась с советскими военнопленными и вела переговоры с моджахедами об их освобождении, были важной частью всего этого процесса. Впоследствии некоторые из

освобожденных вернулись в Советский Союз.

Теперь сенатор Хэмфри и президент Рейган ушли в отставку, а проблема Афганистана в Америке вообще отошла на задний план. В то время, когда я занималась советскими военнопленными, советскому правительству их судьба была безразлична, да и у американского она тоже не была на первом месте. В работе нам много помогали советские военнопленные, которые уже находились в США и Канаде. Мне особо хотелось бы сказать о Николае Мовчане, который выступал в Америке, Канаде и во многих странах Европы, осуждая эту несправедливую войну и призывая мировую общественность помочь освободить оставшихся в Афганистане советских военнопленных. Еще двое бывших военнопленных — Игорь Ковальчук и Сергей Бусов — вместе со мной и Николаем принимали участие в слушаниях в американском конгрессе, посвященных Афганистану и военнопленным. Возможно, аналогичные слушания в Верховном Совете СССР могли бы содействовать разрешению проблемы. Но наряду с советскими военнопленными нельзя забывать военнопленных моджахедов, которых тоже ждут матери. И, наконец, сторонников Наджибуллы, которых держат в плену моджахедами.

20 мая 1985 года Израиль обменял 1150 палестинских плененных на трех своих. Среди выпущенных палестинцев было несколько террористов, и Израиль за это критиковали. Но правительство твердо решило спасти своих людей.

В тюрьмах Наджибуллы по крайней мере три тысячи политических заключенных, включая членов афганского сопротивления. А советских военнопленных в Афганистане осталось менее ста. Может быть, советскому правительству последовать примеру Израиля? Повлиять на Наджибуллу с тем, чтобы он освободил три тысячи человек в обмен на оставшихся советских военнопленных?

**Людмила Торн,
директор отдела
Советского Союза
«Дом свободы»
НЬЮ-ЙОРК**

Известный литовский поэт **Юстас Марцинкявичюс**, стихами которого зачитываются вот уже почти сорок лет, стал жертвой политической борьбы.

Два журналиста телевидения независимой Литвы заявили, что его повесть «Сосна, которая смеялась», изданная несколько десятилетий назад, написана по заказу Комитета государственной безопасности. Это обвинение поэт решительно отвергает: ни на это, ни на какое-либо произведение никто никакого заказа ему не давал.

В свое время, когда эта книга, посвященная проблемам молодежи, только увидела свет, кто-то, как утверждает поэт, сознательно распространял разные слухи о прототипах героев повести. Было по крайней мере три претендента на роль главного героя «Сосны...» Однако поэт еще тогда настаивал, что действующие лица повести вымышлены настолько, насколько вообще могут быть вымышлены литературные персонажи. И вот история повторяется...

Имя Марцинкявичюса связано с литовским движением за независимость. Принимая активное участие в политической жизни республики, он никогда не скрывал своей гражданской позиции. Но сегодня поэт утверждает:

— Политика — скверное дело, особенно в таком обществе, которое не имеет традиций политической, социальной, гражданской жизни, которое только что вырвалось из тоталитаризма. Люди духа, то есть художники, писатели, особенно нужны в начале любой перестройки... Затем, видимо, необходимо иметь здравый ум и способность вовремя уйти...

63-летний **Бруно Риттер** — отставной офицер армии США — никогда никому не рассказывал о своем прошлом. А если у него спрашивали, откуда в его английском странный акцент, менял тему разговора. Так было до тех пор, пока Бруно не обнаружил в

газете фотографию бывшего нацистского преступника **Йозефа Шваммбергера** (на фото слева). После публикации в газете Бруно заговорил...

Семья Риттеров до войны жила в маленьком польском городке Пжемышль. Бруно было 13 лет, когда в городе

начались облавы и всех евреев заключили в нацистское гетто. Из гетто людей забирали в лагерь смерти. Массовые аресты проходили под личным контролем Шваммбергера — местного командира СС.

Бруно вспоминает, как его мать сажали на

поезд, как она крикнула ему на прощание: «Не садись в поезд, ты останешься в живых, ты увидишь своего брата!» Брат Бруно в то время служил в польских частях в Советском Союзе. Мальчику не удалось скрыться. В последние годы войны он работал на немецком заводе. После освобождения работал чистильщиком обуви у американцев, затем переводчиком, а потом пошел в армию США. В 1947 году Бруно поехал в Польшу, чтобы найти там кого-нибудь из своих родственников, и обнаружил, что соседи хранят письма его брата Джозефа из Советского Союза. В 1963 году Джозеф иммигрировал в США.

Шваммбергера после войны поймали французские военные. При нем нашли восемь мешков с драгоценностями и золотыми коронками. Бывшего офицера СС арестовали и обвинили в убийстве 27 евреев в Польше. Но в 1948 году он исчез с поезда, на котором его перевозили в распоряжение американской миссии военного трибунала в Австрии. Потом жил под собственным именем в Аргентине, получил аргентинское гражданство. В 1990 году аргентинские власти после многочисленных запросов выдали его правосудию. Сейчас Йозефу Шваммбергеру 79 лет. Его защитники говорят, что состояние здоровья не позволит ему предстать перед судом. Но обвинители нашли уже 73 свидетелей, которые рассказывают, как офицер СС бросил в газовые камеры около 800 мужчин, женщин и детей, как он собственноручно расстреливал евреев в Польше, разбивал головы детей об стену, вешал, натравливал на них собак. Одним из таких свидетелей стал Бруно Риттер.

Ушел красиво

71-летний директор японского информационного агентства Киодо Цусин **Синдзи Сакаи** в скором времени уйдет в отставку.

В мае этого года, в канун 6-летней годовщины управления Сакаи этой крупнейшей информационной службой страны, вокруг одного из переданных агентством материалов разгорелся крупный скандал. Какой-то вездвидный читатель обратил внимание на то, что информация Киодо поразительно схожа по содержанию с серией статей на ту же тему, опубликованной 17 лет назад влиятельным японским изданием — газетой «Асахи». Руководство «Асахи» не замедлило обвинить агентство в плагиате. Не доводя дело до судебного разбирательства, Киодо Цусин поспешило признать свою вину и публично принесло извинения газете, всем подписчикам своей информации и читателям. Одновременно в Киодо уволили оказавшегося нечистоплотным журналиста, вынесли взыскания многим руководящим сотрудникам агентства, назначили доскональное служебное расследование. Конфликт был формально улажен — в соответствии с жесткими требованиями неписаных законов журналистской этики в японских средствах массовой информации. Уже через месяц о неприятном инциденте мало кто вспоминал.

Но для самого агентства скандальная история не могла так быстро стать просто неприятным воспоминанием. Скандал нанес ощутимый удар по самому дорогому, что есть у журналиста, — по доверию к его информации со стороны читателей. И в конце июля, когда созданная в агентстве специальная комиссия по расследованию инцидента закончила работу и представила отчет, на страницах «истца» — газеты «Асахи» — появилось сообщение о том, что директор Киодо Цусин заявил о своей отставке, то есть принял на себя ответственность за случившееся.

Это достаточно традиционно для руководителей японских предприятий и учреждений в различных сферах общественно-политической жизни. Отставка символизирует своеобразное очищение как самого главы офиса, уносящего с собой грехи ведомства, так и моральное восстановление самого этого ведомства, которое таким образом обещает: впредь оно будет выполнять свои функции как подобает.

Народный артист СССР 69-летний **Евгений Матвеев** опять сыграл роль Брежнева. В 1977 году актер уже играл «вождя народов» в героической эпопее тех лет «Солдаты свободы». На этот раз Матвеев играет Леонида Ильича в фильме «Клан», рассказывающем о южной мафии.

— Я не хотел бы оправдываться, — говорит Матвеев. — Это — моя профессия: сегодня я играю Леонида Ильича, завтра — Змея Горыныча. И сейчас, когда мне предложили сыграть его стариком, со всеми характерными деталями, я поначалу отказался. А потом передумал. Буду играть Брежнева. У нас пошла мода всех бывших руководителей играть карикатурно, издеваясь, но я до такого «геройства» не опускаюсь.

В кино Матвеев уже без малого полвека. В 40-х годах учился в киноактерской школе при Киевской киностудии. С 1952-го работает в Малом театре. Снялся в десятках кинофильмов: «Поднятая целина», «Воскресенье», «Емельян Пугачев»... В своих героях — рабочих, колхозниках или директорах предприятий — всегда старался воплотить собственные идеалы. Матвеев считает, что в стране все еще ощущается влияние партийных комитетов. В хорошем смысле. «Я не думаю,

что партия ничего не способна сделать в сегодняшних условиях, — говорит он. — Я никогда не изменял и не изменю партии. 40 лет тянул эту ляжку и сегодня готов ей служить. Но я вижу, что меня не призывают...»

Американка из Северной Каролины **Джоан Рид** живет в Москве и возглавляет американское представительство Центра за советско-американский диа-

лог — общественной организации, созданной в 1984 году Советским комитетом защиты мира и миротворческими организациями Сиэтла.

Несколько лет назад Джоан впервые приехала в Советский Союз туристом. Но потом решила вновь вернуться в СССР, чтобы работать здесь.

— Меня поразила эта огромная красивая страна, и больше всего великодушные и стойкость советских людей.

Хотя теперь я понимаю, что именно долготерпение затаило те процессы, которые идут сейчас, но могли бы начаться раньше, — говорит Джоан.

Так она стала представительницей Центра, или, как ее в шутку называют, «советской американкой».

До приезда в СССР Джоан двадцать лет занималась маркетингом и рекламой, работала консультантом-менеджером и журналистом. Ей принадлежат

Частная собственность — дело не частное

40-летний президент Российского союза частных собственников **Виктор Шекоцихин** больше не намерен дожидаться, пока депутаты всех уровней определят, приемлема ли частная собственность для Советского Союза и готов ли ее принять советский народ. Шекоцихин считает, что частные собственники сами должны отстаивать свои интересы, в том числе и в выборных органах власти. А посему союз будет принимать участие в любой избирательной кампании, какая бы ни прошла в ближайшее время.

— Наша цель — частное предпринимательство в Советском Союзе, — говорит Виктор. — Но я понимаю, что, если мы не займемся политикой, не обозначим вопрос о собственности вообще, мы проиграем.

Поэтому Шекоцихин призывает вступать в его союз не только тех, кто уже может считаться частным собственником, но и «сочувствующих», иными словами, потенциальных частных собственников. Но только «нравственных». Нравственность, по мнению Виктора, всегда была категорией экономической: если с самого начала отношения между предпринимателями не будут строиться по-джентльменски, то не будет никакой конкуренции, необходимой для экономического развития. Будет рвачество и подлог. А пока в стране идет игра в рынок и предпринимательство. Виктор на себе узнал, что значит открыть «свое дело» в Советском Союзе. До того, как стать президентом частных собственников, он работал в Министерстве внешней торговли, затем в Министерстве тракторного и сельскохозяйственного машиностроения аудитором, затем опять в системе МВЭС. Когда обсуждался закон об индивидуальной трудовой деятельности, зарегистрировал право на индивидуальную деятельность в области консультаций по финансовому хозяйственному праву, организации бухгалтерских курсов по учету и контролю. Когда удалось накопить необходимые средства, открыл собственный семейный кооператив, а затем и ассоциацию «Земляне».

Наблюдая за развитием малых предприятий, арендных отношений, кооперативов, пришел к выводу: частной собственности не будет до тех пор, пока всем правит коллективный разум. Людей, способных самостоятельно управлять предприятием, то есть обладающих «частной ответственностью», очень мало. Вот Шекоцихин и решил их объединить в союз.

Сейчас второй съезд Союза частных собственников определил одну основную цель — помочь развитию фермерских хозяйств. Для этого решили создать специальный банк «Земляне», который будет давать льготные кредиты начинающим фермерам. А сам союз постарается помочь в организации производств по переработке сельскохозяйственной продукции, создании торгово-оптовых предприятий.

И.Жарких

три компании в Калифорнии: рекламное агентство «Джоан Рид Ассошиэйтс», компания по проведению региональных, национальных и международных мероприятий «Джоан Ридз Пенейш» и консорциум 50 специалистов в области торговли и управления из Калифорнии и с Западного побережья «Ридз Рисорсез».

Едва получив должность в Москве, Джоан стала координатором 2-й встречи советской и американской общесственности в январе 1990 года. На этой встрече советские и американские представители самых разных областей человеческой деятельности совместно выработали более ста проектов в сфере медицины, экологии, образования и бизнеса. Многие из них, как, например, оказание помощи пострадавшим от чернобыльской катастрофы или строительство в Москве родильного дома с новейшим западным медицинским оборудованием, уже осуществляются. Другие, как проект «Телепорт» (по созданию факсимильной компьютерной космической связи СССР — США) или «Рубли и доллары для улиц Москвы», разрабатываются.

Е.Куделина

Посмертный суд

Анатолий Наумов,
профессор, доктор юридических наук

Военно-судное дело, произведенное в комиссии военного суда, учрежденной при лейб-гвардии конном полку, над...Камергером Двора Его Императорского Величества Пушкиным...

Начато 3 февраля
Кончено 19 февраля 1837 года

Фото Дмитрия Борко

Бытует мнение, что приговор, вынесенный Дантесу после дуэли с Пушкиным, чрезмерно мягок. В литературоведении суд над дуэлянтами и их секундантами вообще рассматривают как комедию, спектакль, поставленный по сценарию самодержца. Юридический анализ материалов дела перечеркивает такое толкование.

**Ротмистр Столыпин,
корнет Чичерин**

28 января 1837 года, уже на следующий день после дуэли, командир Отдельного Гвардейского корпуса (в него входил и кавалергардский полк, в котором служил Дантес) генерал-лейтенант Бистром в рапорте на имя Николая I сообщал о случившемся и о необходимости учреждения над дуэлянтами и их секундантами военного суда. 29 января военный министр граф Чернышев объявил тому же Бистрому «высочайшую» волю:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу донесения Вашего Высочествопревосходительства... о дуэли, происшедшей 27 числа сего Генваря, между Поручиком... Бароном Де-Геккереном и Камергером (именно так официально именovali камер-юнкера Пушкина едва ли не на протяжении всего судебного процесса) Пушкиным, — Высочайше повелеть соизволил: «судить военным судом как их, так равно и всех прикосновенных к сему делу, с тем, что ежели между ними скажутся лица иностранные, то не делая им допросов, и не включая в сентенцию, представить об них особую записку, с означением токмо меры их прикосновенности...»

Суд был учрежден при лейб-гвардии конном полку, занимавшем среди других подразделений Отдельного гвардейского корпуса особое место. Шефом этого полка был сам Николай I. Презусом (председателем) суда (он официально назывался «военно-судной комиссией») назначался «господин флигель-адъютант полковник и кавалер» Бревнер, а ассессорами (членами) суда офицеры этого же полка: ротмистр Столыпин, штабс-ротмистр Балабин, поручики Анненков и Шигорин, корнеты Чичерин и Осоргин. Следователем по делу стал полковник Галахов. «Для производства дела» (по современным понятиям секретарем суда) назначался полковой аудитор (незначительный чиновник, находящийся в самом низу военно-юридической пирамиды) Маслов.

Суд приступил к работе 3 февраля. Судьи фактически соединяли в себе обязанности и следователей, и обвинителей, и защитников, и собственно судей. Длившееся 16 дней судебное следствие состояло в основном из допросов подсудимых (например, Дантес допрашивался четыре раза) и анализа относящихся к дуэли документов.

Судьи, например, приобщили к делу формулярный и Кондуитный списки Дантеса и секунданта Пушкина — Данзаса (их личные офицерские дела). Из этих документов судьи могли сделать твердый вывод о том, что Дантес был безупречно образцовым

офицером: «выговоров не получал, в штрафах и арестах не бывал»; в «слабых отправлениях обязанностей не замечен», «усерден на службе», «в походах не бывал, но за смелость, учения и маневры удостоился в числе прочих получить высочайшее благоволение, объявленное в высочайших приказах...». Вот что писал, ознакомившись с архивом полка, историк кавалергардского полка С.А.Панчулидзе: «Дантес по поступлении в полк оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку... Число всех взысканий, которым подвергался Дантес за три года службы в полку, достигло цифры 44».

Особое мнение аудитора Маслова

Военно-судная комиссия пыталась, между прочим, установить и авторство пасквильных анонимных писем, полученных Пушкиным в ноябре 1836 года, а также более поздних (не сохранившихся). Суд исходил из того, что именно эти письма явились поводом к ноябрьским (1836 года) дуэльным событиям. За основу оценки этих событий суд взял их трактовку самим Пушкиным в его письме к нидерландскому посланнику (январь 1837 года) и его секундantom — лицейским товарищем Данзасом (в его показаниях, данных им на допросах).

13 февраля военно-судная комиссия пришла к выводу, что она разбиралась в существе дела. Однако аудитор Маслов был другого мнения и подал рапорт в военно-судную комиссию.

Маслов, видимо, достаточно поднаторевший в судебных делах, обратил внимание на ряд пробелов судебного следствия. Он единственный заметил, что в деле отсутствует пресловутый «анонимный диплом», который, по сути дела, должен был бы стать одним из главных документов процесса. Маслов настойчиво обращал внимание суда на то, что позднее Пушкин получал и другие оскорбительные анонимные письма. Аудитора беспокоило, достаточно ли судебных доказательств вины Дантеса (их может не хватить для серьезного наказания, и убийца поэта «отвергнется» от правосудия). Поэтому Маслов и указывал, где можно собрать дополнительные доказательства виновности подсудимого. Например, провести допрос вдовы поэта. Маслов пытался усилить и доказательства вины старшего Геккерена.

Изучив рапорт Маслова, военно-судная комиссия вынесла следующее определение: «...слушав рапорт Аудитора Маслова... коим он... считает неизлишним потребовать от вдовы Камергерши Пушкиной некоторые объяснения, а как Комиссия при слушании вчерашнего числа дела имела оные в виду, нашла дело довольно ясным, то дабы без причин

не оскорбить г-жу Пушкину требованием изложенных в рапорте Аудитора Маслова объяснений, определила, приобщив упомянутый рапорт к делу; привести оное к окончанию...»

Не один Маслов настаивал на допросе Наталии Пушкиной. Начальник дивизии генерал-адъютант граф Апраксин тоже не находил ничего предосудительного в допросе вдовы поэта и оставлял решение данного вопроса «на усмотрение начальства». Светские же приличия и условности Апраксин знал неплохо. Он был близок к императору (его партнер по карточной игре) и входил в дипломатические круги (был женат на дочери неаполитанского посланника). На допросе жены Пушкина настаивал и нидерландский посланник в своем письме к Нессельроде от 1 марта 1837 года...

Строг, но справедлив?

19 февраля был вынесен приговор: «Комиссия военного суда соображая вся вышеизложенное собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерена находит как его, так и камергера Пушкина виновным в произведении строжайше запрещенного законами поединка, а Геккерена и в причинении пистолетным выстрелом Пушкину раны, от коей он и умер, приговорила подсудимого поручика Геккерена за таковое преступное действие по силе 139 Артикула воинского Сухопутного Устава и других под выпискою приведенных законов повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый Камергер Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертию прекратить, а подсудимого подполковника Данзаса... по силе 140 воинского Артикула повесить. Каковой приговор подсудимым объявить, а до воследования над ними конфирмации... содержать под строгим арестом».

Приговор строг. Но так ли уж справедлив? Если исходить из законов, подобранных для этого случая полковым аудитором, безусловно. Однако наряду с петровским и воинским артикулами действовали и другие.

С 1 января 1835 года вступил в силу Свод законов Российской империи 1832 года, в соответствии с которым суд не мог приговорить кого-либо к смертной казни за дуэль. Разумеется, «ошибку» суда можно было объяснить недостаточным профессионализмом полкового аудитора, не разбравшегося в соотношении старого (петровского) и нового уголовного законодательства. Однако это явно не единственная причина суровости приговора. Мера наказания, назначенная военно-судной комиссией, явно «выпала» из обычных наказаний по аналогичным делам.

За дуэль переводили из гвардии в армию («Капитанская дочка»), из столичных центров — на Кавказ, подвергали кратковременному заклю-

чению в крепость, а секундantom нередко прощали. Похоже, что следствие и суд с сочувствием отнеслись к причинам, побудившим Пушкина выйти к барьеру.

Равное предельно строгое наказание обоим противникам (смертная казнь) ничем не могло уже повредить погибшему на дуэли поэту. Наоборот, оно было какой-то гарантией того, что при утверждении вынесенного приговора второй судебной инстанцией и царем будет сохранено строгое наказание (пусть и не смертная казнь). А Данзасу сложившаяся судебная практика в отношении секундantom гарантировала снисхождение в верхних судебных инстанциях.

В деле есть еще один важный документ — Записка о мере прикосновения к дуэли иностранных лиц. В ней суд тоже соглашался с мнением Пушкина и Данзаса о нидерландском посланнике: «Будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным интригам с своим сыном... поселял в публике дурное о Пушкине и жене его мнение на счет их поведения...»

«Быть по сему, но...»

В соответствии с законами того времени вынесенный приговор не был окончательным. Через командующего Отдельным гвардейским корпусом дело направлялось по инстанции в Аудиторский департамент военного министерства с мнениями по делу полкового и бригадного командиров, начальника дивизии и командующего резервным корпусом. Все они, хоть и высказывались против применения к Дантесу смертной казни, настаивали на очень строгом по тем временам наказании — разжаловании в солдаты (некоторые даже пожизненно). Дело поступило в Аудиторский департамент.

16 марта было установлено настоящее придворное звание Пушкина (камер-юнкер), а на следующий день Генерал-Аудитор вынес по делу определение, в соответствии с которым Дантес приговаривался к лишению российского дворянского звания и разжалованию в солдаты. В отношении Данзаса предписывалось, «вменяя ему в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте два месяца, и после того обратиться по-прежнему на службу». «Преступный же поступок самого Камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию... по случаю его смерти предать забвению». Основные выводы военно-судной комиссии и Генерал-Аудитора совпадают.

18 марта 1837 года Николай I «начертал» следующую резолюцию на определении Генерал-Аудитора: «Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отбрав офицерские патенты».

Партия — мой рулевой

Люди, просто люди (по-скольку я все еще коммунист), я к вам — с покаянием: ведь не просто коммунист, но и член... А вот тут как раз загвоздка — чего член, уже толком и не знаю. Попутали игроки партийные. Иде я — не знаю, в чем и каюсь.

В партию меня в свое время (молodyм, но уже, правда, сознательным) взяли по линии отдела кадров. Многие это обстоятельство до сих пор скрывают, наподобие родственников за границей или там колебаний в проведении линии партии. А мне скрывать нечего: никакого блага в парткоме и тем более родственников за границей никогда не было и нет. Просто тогдашний мой начальник («крупняк» по тем временам) счел, что у меня определенные способности, и поставил «на выдвижение», сказав там, в партии: вы его оформите — назначать будем...

И все ведь путем было. Пока не грянула эта заварушка с перестройкой, в ходе которой и пошла теперь эта самая департизация. Вот теперь уж и не вижу, где он, сам Сусанин-то? То ли это бывший И.Полозков, то ли Шеварднадзе с Яковлевым, то ли сам?.. То ли теперь Руцкой в тандеме с Купцовым по центру поведут?

Ну посудите сами — как тут смикитить, состоя в перманентно укрепляемых рядах. Вот написана чистой воды «Правда»: «За действия, противоречащие Уставу КПСС и направленные на раскол партии, В.С.Липицкий и А.В.Руцкой (герой афганской войны, между прочим, куда партия его «не посылала») исключены из КПСС». Допустим, Устав у нас для всех один, что для слесаря-гинеколога, что для генсека: искривился, не дожидаясь искривления самой линии, ну и вот тебе — Маркс, а вот — порог. Это, допустим, по Уставу. Только вот по какому? Ведь изъял того же Руцкого из рядов вовсе не тот пленум, про который вы, беспартийные, подумали. Изъял из КПСС тот еще пленум ЦК Компартии РСФСР (на платформе И.Полозкова).

Ну и что? — вы подумаете: Полозков со своей партией образовался «в рамках КПСС», имеет право исключать (как и включать) именем дочки-матери. Наивный же вы человек, беспартийный! Вот вам предыдущая «Правда»: «Устав КПСС, нормативные документы исключают возмож-

ность одновременного членства в двух политических партиях».

И что же у нас с вами на поверку выходит? А выходит, что прославленного афганца не за то и не оттуда исключили: комплексно, сразу из двух партий, имея в виду третью, которую он в уставном верноподданничестве пытается сплотить в «рамках КПСС». Устав ведь не предусматривает «существование параллельных республиканских партийных организаций». Так что тут кто первым успеет проскочить. Кубанский казак тут прытче оказался, вот теперь Руцкому и приходится «раскалывать изнутри», вместо того чтобы, как у людей, сыграть свою самостоятельную партию. А ведь первораскольник-то — И.Полозков, он ведь из одной партии две сделал. Между тем его за раскол никаким партийным репрессиям не подвергли: ушел «вопреки собственному желанию» и то, похоже, по причине выполнения его партией своей жилищной программы — завоевания столичной прописки для своего первого человека. В целом он, получается, выиграл на своем расколистстве: две партийные прописки и одна московская. При этом не исключено, что и кубанская за ним сохраняется (земля эта по-прежнему входит в состав и СССР, и РСФСР). И уж во всяком случае там в любом качестве примут своего знатного земляка (разумеется, при условии если вернется он на платформе, созданной им в порядке раскола КП РСФСР в рам-

ках КПСС). Впрочем, вопрос прописки обретает теперь явно партийную окраску, учитывая назревающую необходимость как для существующих, так возможных новых партий марксистского толка строить коммунизм преимущественно по месту жительства, а не по месту получения зарплаты.

Кстати, о партийных миграциях. А что если Руцкому, пока еще не создано в державе единого партийного пространства, податься теперь, скажем, в Молдову или к Назарбаеву и, вступив там в местную КП, таким образом самовосчленившись и у матери КПСС? Автоматически. Ведь все мы (члены) понимаем, что эти уставные территориально-производственные разграничения во многом условны. Скажем, производственный признак теперь, в связи с ельцинским демаршем, судя по всему, вообще отпадает. Ну а что касается территориального, то им давно уже пренебрегли явочным порядком.

Смотрите: если КП РСФСР — самостоятельна и членоправна, как и все остальные республиканские КП, то что же тогда остается от самой КПСС? Где она, вообще-то, дислоцируется? И ведь мы еще не знаем, а может быть, уже образовались где-нибудь в глубоком партийном подполье суверенные компартии, скажем, Хорошево-Мневников, Бузулука или там села Айпердино, живописный дегерротип которого поместила не так давно на первой полосе все та же «Правда». А если это так, то тогда по территориально-производственному признаку каждый из нас (партийных) рискует помимо своей воли оказаться в состоянии не только двоечленства, но и многочленства.

Ведь прецедент-то уже создан И.Полозковым: не знаю, как вас, а меня лично в соответствии с установившейся традицией делать судьбоносные выборы за нас, вступили в его партию без моего ведома. И тут уж ситуация не уставная — права человека, хельсинкский процесс, новое мышление, которое наша с Полозковым КП, похоже, так и не успела взять на вооружение. (Вся надежда в этом смысле на нового ее главу, который уже одной своей фамилией органично вписывается в складывающийся интерьер рыночной экономики.)

Нет. Как ни говорите, а тут Сусанин вот так нужен! Он хоть обратную дорогу знает...

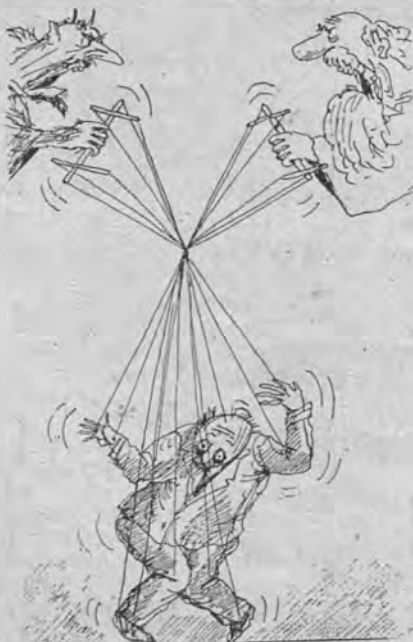

Рисунок Виктора Бюфарада

Виталий Ганюшкин

ПЕСКАТОРЕ • 90

PESCATORE • 90

ИТАЛЬЯНСКАЯ КУХНЯ В МОСКВЕ

- кредитная карта
- адрес: проспект Мира, №36
- телефоны: 280-35-82, 280-24-06

ФИАТ

КРОМА